

ШЯУЛЯЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

МАРИЯ АБРАМОВИЧ

Программа «Деловой перевод (русский язык)»

Метафора в деловом тексте и ее перевод

Магистерская работа

Научный руководитель:
доц. С. Караева

Шяуляй, 2010

ŠIAULIŲ UNIVERSITETAS
HUMANITARINIS FAKULTETAS
RUSŲ KALBOS KATEDRA

MARIA ABRAMOVICH

Dalykinio vertimo (rusų kalba) programa

Metafora dalykiniame tekste ir jos vertimas

Magistro darbas

Darbo vadovas:
doc. S. Karavajeva

Šiauliai, 2010

Оглавление

Введение	4
Глава I.....	7
1.1. История изучения метафоры: лингвистическая и когнитивная теории.....	7
1.2. Функционирование языковой метафоры в официально-деловом стиле.....	13
1.3. Культурологический аспект перевода метафор.....	15
Глава II.....	20
2.1. Семантический анализ языковых метафор.....	20
2.2. Структурный анализ языковых метафор.....	24
2.3. Способы перевода языковых метафор.....	38
Заключение.....	44
Библиография.....	47
Santrauka.....	52
Summary.....	53
Аннотация.....	54
Приложения	

Введение

В последние десятилетия метафора и механизмы ее построения стали объектом междисциплинарных исследований психологов, антропологов, социологов, политологов, культурологов и представителей прочих смежных наук. В настоящее время активно проводятся лингвистические исследования, посвященные функционированию и роли метафор в различных дискурсах: политическом, юридическом, экономическом, научном, спортивном, медицинском и т.д.

Ввиду быстрого развития деловых отношений на международном уровне и внутри конкретных стран юридический дискурс представляет особый лингвистический интерес. Язык официально-делового стиля и, в частности, подстиль законодательных актов коренным образом отличается от языка общего употребления. Юридическая сила и стилистические нормы детерминируют определённые правила организации языковых средств деловых документов: точные, не допускающие двусмысленности формулировки, логичность и последовательности изложения, краткость и аргументированность излагаемых положений, отказ от использования стилистически окрашенных единиц, использование специальных слов и клишированных выражений.

Устойчивые выражения в лингвистике принято называть языковыми (лексическими/стертыми) метафорами. Наличие данных метафор является неотъемлемой частью и стилистической нормой любого официально-делового стиля. Однако помимо универсального набора в официально-деловом стиле каждого конкретного языка используется свой специфический набор языковых метафор, отражающих культурно-исторические особенности развития данного народа, а также его языковую специфику, знание которых необходимо для переводчика.

Следовательно, анализ и сопоставление языковых метафор, выявление общего и различного, способов перевода метафор в двух неродственных языках является *актуальным* в изучении стилистики, теории и практики перевода, в том числе юридического, сопоставительного языкознания в целом.

Целью настоящего исследования явился анализ метафор в деловом тексте и способов ее перевода.

Выдвинутая цель детерминировала решение следующих **задач**:

- изучение и реферирование научной литературы по заданной теме;
- формирование актуального для нашего исследования научного инструментария;

- извлечение языковых метафор из деловых текстов („Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos Baudžiamasis kodeksas“ и «Уголовный кодекс Литовской Советской Социалистической Республики»);
- семантический и структурный анализ выделенных в двух языках языковых метафор и их сопоставление;
- классификация способов перевода выделенных нами языковых метафор;
- выявление определенных закономерностей, наблюдаемых при переводе языковых метафор с одного языка на другой.

Материалом нашего исследования послужили „Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos Baudžiamasis kodeksas“ и «Уголовный кодекс Литовской Советской Социалистической Республики».

Фактический материал представлен в количестве **435 языковых метафор**.

При проведении исследования использовались следующие **методы**:

- анализа научной литературы;
- сплошной выборки;
- дистрибутивного анализа;
- компонентного анализа;
- сопоставительного анализа;
- статистического анализа.

Работа состоит из введения, основной части, включающей две главы, заключения, библиографии и приложений. Во **Введении** оговаривается актуальность настоящей работы, формулируются цели, задачи и методы исследования. В **главе I** Основной части представлен обзор релевантной для нашего исследования литературы, реферируются основные понятия и различные направления в изучении данной проблемы. Первая глава включает три параграфа: §1. История изучения метафоры: лингвистическая и когнитивная теории; §2. Функционирование языковых метафор в официально-деловом стиле; §3. Культурологический аспект перевода метафор. В **главе II** исследуются языковые метафоры, извлеченные из вышеназванных источников, а также анализируются способы их перевода. Данная глава также состоит из трех параграфов: §1. Семантический анализ языковых метафор; §2. Структурный анализ языковых метафор; §3. Способы перевода языковых метафор. В конце каждой главы представлены выводы. В **Заключении** подводятся итоги проведенного анализа. **Библиография** включает 72 позиции. В **Приложении** представлен список выявленных нами языковых метафор на литовском и русском языках, а также вышеназванные источники исследования: „Lietuvos Tarybų

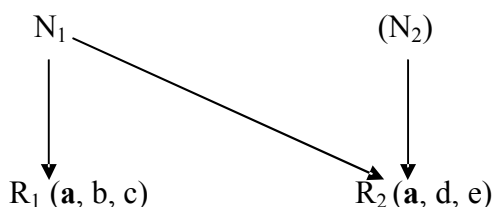
Socialistinės Respublikos Baudžiamasis kodeksas“ и «Уголовный кодекс Литовской Советской Социалистической Республики».

Глава I

1.1. История изучения метафоры: лингвистическая и когнитивная теории

История исследования метафоры имеет многовековую традицию. В труде «Поэтика» древнегреческий философ Аристотель ввел термин «метафора» (от др. греч. «μεταφορά» = «перенос», «переносное значение»), определив его, как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» (Аристотель, <http://www.koob.ru/aristotel/poetika>). Это определение легло в основу *лингвистической (классической/традиционной) теории метафоры*, которая рассматривает метафору как «употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого, сходного с данным класса объектов или индивида» (Русский язык, 1997, с. 233).

Для иллюстрации механизма метафорического переноса А.Гудавичюс (A.Gudavičius) предлагает следующую схему:

где N_1, N_2 – объекты действительности, а R_1, R_2 – их названия. По причине определенного сходства объектов (общая сема «а») название первого (N_1) используется и для называния второго объекта (R_2); у него, как правило, уже имеется свое название, поэтому метафоризация называется вторичной номинацией (Gudavičius, 2009, с. 114). Таким образом, метафора считается важным средством языкового выражения, обладающим эмоциональной окрашенностью.

Поскольку основной характерной чертой метафоры является переносное значение, с точки зрения классической теории, она рассматривается как стилистическая фигура или риторический троп. «Для большинства людей метафора является инструментом поэтического воображения и риторических излишеств – частью какого-то особенного, а не повседневного языка. Более того, метафора обычно рассматривается как собственно языковая характеристика, связанная скорее со словами, чем с мышлением и деятельностью» (Лакофф, Джонсон, 2008, с. 25).

Такое понимание метафоры было ведущим до середины XX века. В 50-60-е гг. прошлого столетия ученые пришли к выводу о том, что «собственно лингвистическими методами вопрос об эффективности метафорического воздействия решить невозможно, и поэтому лингвисты вынуждены обращаться к междисциплинарным эвристикам <...>» (Будаев, <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm>), и, тем самым, обратили внимание на особенности познавательной деятельности человека и его когнитивные способности.

В науке зародилось новое направление – *когнитивная наука*, объектом изучения которой стала когниция или «процесс, охватывающий получение, обработку, хранение и использование знаний» (Papaugėlytė-Kloviėnė, 2007, с. 13). В свою очередь, в языкознании появилась *когнитивная лингвистика*, рассматривающая язык как «способ описания когнитивных механизмов» (Ibid.).

По мнению А.Гудавичюса, суть когнитивной лингвистики заключается в том, что языковые способности человека неотделимы от всей остальной психической деятельности – восприятия, воображения, мышления, а метафора рассматривается не как основная особенность использования специфического поэтического языка, но как способ мышления и познания, реализующийся в языке через метафорические высказывания (Gudavičius, 2009, с. 125).

Понимание метафоры как ментального процесса, способа познания окружающего мира, сыграло важную роль в ее изучении. По мнению Н.Д.Арутюновой, «центр тяжести в изучении метафоры переместился: в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и, наконец, к моделированию искусственного интеллекта. В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» (Арутюнова, 1990, с. 5-6). В результате этого традиционная теория метафоры отошла на второй план, уступив место *когнитивной теории*, рассматривающей метафору как «лингвистический, концептуальный, социокультурный, умственный, телесный феномен, который существует на всех этих различных уровнях одновременно, и включает в себя не только язык, но и концептуальную систему, а также социокультурную структуру, деятельность нервной системы и тела» (Kövecses, 2005, с. 9).

Большой вклад в становление и развитие новой теории метафоры внесли ученые: Дж.Лакофф (G.Lakoff), М.Джонсон (M.Johnson), М.Блэк (M.Black), Х.Ортега-и-Гассет (J.Ortega-y-Gasset), Д.Дэвидсон (D.Davidson), М.Бирдсли (M.Beardsley), Дж.Серль (J.Searle), Э.МакКормак (E.MacCormac), П.Рикер (P.Ricoeur) и др. Основоположниками

когнитивной теории метафоры считаются американские исследователи Дж.Лакофф и М.Джонсон. Опубликованная ими в 1980 году книга “Metaphors We Live By” («Метафоры, которыми мы живем») стала революционной. Авторы разработали теорию, которая окончательно систематизировала описание метафоры как когнитивного механизма. Основная идея этой теории заключалась в том, что метафора не ограничивается только сферой языка. Процессы мышления человека сами по себе в значительной степени являются метафоричными. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична, <...> то, как мы думаем, то, что узнаем из опыта, и то, что мы делаем ежедневно, имеет самое непосредственное отношение к метафоре» (Лакофф, Джонсон, 2008, с. 25). Более того, авторы полагают, что, поскольку «процессы человеческого мышления в значительной степени метафоричны», метафоры «как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека» (Ibid., с. 27). Данные метафоры были названы авторами «**концептуальными**».

После опубликования вышеуказанного научного труда когнитивная теория быстро приобрела сторонников и оппонентов. Так, американский логик М.Блэк (1990) придерживался во многом схожей с Дж.Лакоффом точки зрения, однако расходился с ним в вопросе терминологии. М.Блэк отказался от предложенного Дж.Лакоффом и М.Джонсоном термина концептуальной метафоры и предложил новый термин – «**когнитивная метафора**». В основе теории учёного лежала идея о том, что значение слова определяется только в речемыслительном контексте при его взаимодействии с другими словами. Более того, он считал, что метафора является не утверждением факта, а средством репрезентации положения вещей, поэтому к ней нельзя применить категорию истинности. «В отличие от научного знания система общепринятых ассоциаций может содержать полуправду и даже ошибочные сведения <...>, но для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании» (Блэк, 1990, с. 164).

Интересной, на наш взгляд, была предложенная канадским ученым Э.МакКормаком (1990) концепция. Как и М.Блэк, он считал, что метафора есть результат когнитивного процесса, однако, в отличие от других ученых, рассматривал метафору на основании иерархии глубинных познавательных структур, порождающих язык, и писал о том, что «любая объяснительная теория метафоры неизбежно предполагает лежащую в основе «базисную метафору», на которой строится объяснение. Базисные метафоры – это исходные теоретические представления о природе метафоры» (МакКормак, 1990, с. 361).

Указанный исследователь также выделяет «буквальный язык», который, по его мнению, отличается от метафорического языка и не зависит от познавательного процесса метафоризации. Именно буквальный язык обеспечивает «общий объективный фон, позволяющий судить о значении и частичной истинности метафор» (МакКормак, 1990, с. 360).

Когнитивная теория метафоры имеет и противников. Так, философ Д.Дэвидсон (1990) отрицает не только когнитивный потенциал метафоры, но и само понятие ее семантики, считая, что значение метафоры заключается только в буквальном значении входящих в нее слов. В работе “What Metaphors Mean” («Что означают метафоры») он пишет о существовании ошибочного мнения о том, «будто метафора наряду с буквальным смыслом или значением наделена еще и некоторым другим смыслом или значением. Это заблуждение свойственно многим. <...> Взгляд на метафору как на средство передачи идей, пусть даже необычных, кажется мне столь же неверным, как и лежащая в основе этого взгляда идея о том, что метафора имеет особое значение» (Дэвидсон, 1990, с. 174).

В отличие от М.Блэка, считавшего, что «метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения» (Блэк, 1990, с. 158), Д.Дэвидсон утверждает, что метафору нельзя перефразировать, «потому, что просто нечего перефразировать. <...> Метафора не сообщает ничего, помимо своего буквального смысла» (Дэвидсон, 1990, с. 174).

Мы считаем, что приведенные выше теории, на наш взгляд, наилучшим образом отражают основные идеи и положения данного направления.

Тем не менее следует отметить, что в последнее десятилетие изучение метафоры стало выходить за рамки когнитивной науки. Механизмом метафоры заинтересовались представители таких дисциплин, как: *нейропсихология, физиология и антропология*. Метафора рассматривается в ее взаимодействии с деятельностью центральной нервной системы человека, его сенсомоторным опытом, а также с учетом культурного и исторического опыта индивида: «метафоры коренятся в нашем физическом и культурном опыте» (Лакофф, Джонсон, 2008, с. 42). Представители данного направления считают, что человеческое тело является источником языковых метафор, поскольку между моторным опытом человека и языковым пониманием существует глубокая связь (Gibbs, Wilson, 2002).

В статье “Bodily Action and Metaphorical Meaning” («Физическая деятельность и метафорическое значение», 2002) ученые Р.Гиббс (R.Gibbs) и Н.Вилсон (N.Wilson) описали проведенный ими эксперимент о подсознательном характере базовых концептуальных метафор. В ходе эксперимента была установлена связь между моторикой

испытываемых и употреблением антропоморфных метафор. Результаты данного исследования показали, что использование метафор не зависит от национальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков) (Gibbs, Wilson, 2002).

Д.Ритчи (D.Ritchie), автор большого количества работ, посвященных роли коммуникативного контекста, телесного и индивидуального опыта человека в понимании метафор, считает, что человеческое мышление опосредовано телесным опытом, поэтому метафоры необходимо анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающем детализированную репрезентацию речевого общения и предшествующий опыт участников коммуникации (Ritchie, 2004). Понимание метафор непосредственно связано с уровнем общих знаний и убеждений участников коммуникации. По мнению Д.Ритчи, каждая метафора интерпретируется в специфичном, уникальном коммуникативном контексте, поэтому восприятие метафоры людьми может значительно варьироваться и зависеть от сходства когнитивных картин индивида (Ibid.).

Тем не менее, согласно ученому, на сегодняшний день предпринято мало систематических попыток в развитии теорий интерпретации метафор во взаимосвязи с тем, что уже известно о деятельности нервных клеток головного мозга (Ibid.).

Таким образом, представленный обзор научных концепций относительно метафоры позволяет констатировать значительный вклад вышеназванных ученых в становление и развитие когнитивной теории метафоры, в основе которой лежит положение о ее ментальном характере и познавательном потенциале.

В российской лингвистике вопросы взаимодействия метафоры и человеческого сознания получили развитие в последнем десятилетии XX века после публикации в 1990 году сборника «Теория метафоры», включающего переводы статей и глав из научных трудов известных ученых, занимающихся проблемами изучения метафоры. Данный сборник имел важное значение для становления нового (когнитивного) подхода в России.

В короткие сроки когнитивная метафора стала одним из основных объектов исследований российских лингвистов (см.: Н.Д.Арутюнова (1990), А.Н.Баранов (1991), В.А.Суровцев (1998), (1999), В.Н.Сыров (1998), (1999), А.П.Чудинов (2001a) и др.). «Изучение метафоры традиционно, но было бы неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции. Напротив, оно становится все более интенсивным и быстро расширяется, захватывая разные области знания — философию, логику, психологию, психоанализ, герменевтику, литературоведение, литературную критику, теорию изящных искусств, семиотику, риторику, лингвистическую философию, разные школы лингвистики» (Арутюнова, 1990, с. 5).

По мнению О.Н.Чарыковой, «когнитивная лингвистика ввела в научный обиход категории, с помощью которых стало возможным говорить о процессе усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков» (Чарыкова, 2009, с. 82).

Следует отметить, что российские лингвисты уделяют большое внимание изучению метафоры в различных дискурсах: политическом, научном, медицинском, спортивном и т.д. (см. работы Т.Г.Скребцовой (2002), А.П. Чудинова, (2001б), (2006б), (2006в), (2008), Э. В. Будаева (2006а), (2006б), (2006в), О.Л. Юдиной (2009) и др.).

По словам С.Папурелите-Кловене (S.Papaurėlytė-Klovienė) (2007), в Литве когнитивная лингвистика только начинает завоевывать более твердые позиции, тем не менее в литовской лингвистике на сегодняшний день имеется много посвященных изучению данной проблемы исследований (см.: A.Gudavičius (2007, 2009), R.Marcinkevičienė (1999, 2006), S.Papaurėlytė-Klovienė (2007), S.Lapinskas (2007), L.Arcimavičienė (2009), J.Vaišėnienė (2009), J.Cibulskienė (2010) и др.), однако, согласно Ю.Вайчянонене (J. Vaišėnienė), «не всем аспектам данного лингвистического феномена [метафоры] уделяется одинаковое внимание» (Vaišėnienė, 2009, с. 38).

Очень интересной, на наш взгляд, является идея Р.Марцинкявичене (R.Marcinkevičienė) (2006) о том, что концептуальная метафора связана с языковой или мертвой метафорой. Автор пишет: «Метафоры, которые приобрели постоянное языковое выражение и стали обычными, в английском языке называются мертвыми. Такое название служит для указания на их неосознаваемую метафоричность (в литовском языке предложили называть их *языковыми метафорами*, подчеркивая, таким образом, их конвенциональность и противопоставленность оригинальным, авторским или *литературным метафорам*)» (Marcinkevičienė, 1999, с. 109). При использовании оригинальной/авторской метафоры, т.е. непосредственного ассоциативного переноса, человек осознанно, мысленно обращается к изначальным предметам/явлениям и переносимому качеству/свойству. Тем не менее, в силу частого употребления или деформации изначальной связи между предметами и качествами языковые метафоры не воспринимаются носителями языка метафорами в традиционном смысле.

Поскольку объектом нашего исследования являются языковые метафоры, мы считаем необходимым провести краткий обзор степени изученности данного языкового феномена в лингвистической науке, а также его функционирования в официально-деловом стиле.

1.2. Функционирование языковой метафоры в официально-деловом стиле

Существование языковых метафор является общепризнанным (Gudavičius, 2007, с. 182). Для их обозначения в лингвистике используются различные термины: *лексические метафоры, языковые метафоры, привычные метафоры, мертвые метафоры, стертые метафоры, сухие метафоры, метафоры–клише, метафоры–формулы, окаменевшие метафоры, шаблонные метафоры, штампы*, – и не существует единого мнения относительно того, какой из перечисленных выше терминов является более предпочтительным.

П.Ньюмарк (P.Newmark) (1988) дифференцирует «мертвые метафоры» и «метафоры–клише». К «мертвым» он относит метафоры, при употреблении которых человек с трудом осознает метафорическое сходство. По мнению автора, данный тип метафор часто реализуется в качестве универсальных терминов, обозначающих пространство и время. В свою очередь, «метафоры–клише» – это метафоры, которые «во временном отношении уже, вероятно, пережили свою полезность и используются в качестве замены точной мысли, часто эмоционально, однако без соответствия сути дела» (Newmark, 1988, с. 106-107).

А.Павелец (A.Pawelec) в статье “The Death of Metaphor” («Смерть метафоры») рассматривает языковую метафору как «лексическую единицу, конвенционное значение которой отличается от ее изначального значения» (Pawelec, 2006, с. 118). Как и Х.Ортега-и-Гассет (1990), автор считает, что при использовании языковой метафоры мы не апеллируем к ее изначальному значению, поэтому языковая метафора является продуктом семантического сдвига в истории языка (Pawelec, 2006).

Российские ученые В.А.Суворцев и В.Н.Сыров (1999) полагают, что метафора воспринимается как таковая только тогда, когда старый смысл слов еще не стерт. Статье языковой метафора может по двум причинам:

- в силу определенных изменений (языковых, культурных, понятийных, исторических и др.);
- по причине частого использования метафоры в речи, в результате чего факт переноса становится незаметен (Суворцев, Сыров, http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_6.htm).

При этом вне зависимости от причины смысл языковой метафоры заключается в том, что она не является продуктом конкретного сознательного акта проведения аналогии (Ibid.).

Отсутствие четкости в терминологии предоставляет каждому автору возможность использовать тот термин, который он/она считает более приемлемым.

Мы согласны с приведенными выше высказываниями Р.Марцинкявичене (1999) и А.Гудавичюса (2009) относительно «языковой метафоры», а также с употреблением ими данного термина и принимаем его в качестве рабочего.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, мы определяем наше понимание **языковой метафоры**: это – *стереотипизированный оборот, метафорическая основа которого «стерлась» по причине частого использования данного оборота в речи.* В нашем случае это – *любая устоявшаяся фраза, термин, клише, идиома или фразеологический оборот.*

По мнению Дж.Дикинса (J.Dickins) (2002), языковые метафоры могут «оживляться» и формировать яркое представление. Мы считаем, что факт «оживления» языковых метафор имеет важное значение для нашего исследования.

Н.Д.Арутюнова (1990) отмечает факт отсутствия в официально-деловых документах метафоры как стилистического тропа, обладающего яркой эмоционально-стилистической окраской. «При обращении к практической речи бросается в глаза не всеприсутствие метафоры, а ее неуместность, неудобство и даже недопустимость в целом ряде функциональных стилей <...> Не прибегают к метафоре в разных видах делового дискурса: в законах и военных приказах, в уставах, запретах и резолюциях <...> – словом, во всем, что должно неукоснительно соблюдаться, выполняться и контролироваться, а следовательно, подлежит точному и однозначному пониманию» (Арутюнова, 1990, с. 7).

Главными особенностями делового стиля является его точность, безличность, полнота и своевременность информации, стандартизованность на всех уровнях языка (лексическом, морфологическом, синтаксическом). «Деловая речь становится фразеологически устойчивой, наполняется готовыми языковыми формулами, трафаретами, штампами» (Рахманин, 1998, с. 12).

Таким образом, значимую часть лексики деловых текстов составляют именно языковые метафоры, представленные в виде стандартизированных выражений и шаблонных фраз. Именно они являются «отличительным качеством языка закона, которое выделяет его из *повседневного языка* и придает ему особое положение даже в области *специальных языков*» (Garzone, 2000, с. 395).

Мы полагаем, что в этом отношении можно говорить об «оживлении» языковых метафор, поскольку при употреблении в текстах данного стиля они приобретают функционально-стилистическую окраску: «<...> под экспрессивностью официально-делового стиля <...> имеют в виду именно те языковые свойства, которые признаны

обеспечить оптимальную коммуникацию в соответствующей сфере общественной деятельности» (Крылова, 2006, с. 157-158). Языковые метафоры выполняют именно данную функцию.

По мнению Т.В.Матвеевой, корпус данных метафор «определяется на основе практического опыта делопроизводства и юриспруденции, а в составе текстов делового стиля некоторые из них выдвигаются на заметное место и становятся наиболее распространенными стандартами» (Матвеева, 1990, с. 73).

Таким образом, можем констатировать, что языковые метафоры не только являются частотными в официально–деловом стиле, но и участвуют в формировании характерной для него эмоционально–экспрессивной оценочности.

Изучению особенностей официально-делового стиля в лингвистике посвящены многочисленные исследования (В.В.Виноградов (1961), Д.Э.Розенталь (1974), И.Б.Голуб (1989), Л.В.Рахманин (1998), С.П.Кушнерук (1999), О.П.Сологуб (2007), A.Piročkinas (1990), P.Kniūkšta (2002), V.Žilinskienė (2002), R.Vladarskienė (2004), G.Garzone (2000), M.Harvey (2002) и др.), однако остаётся в недостаточной степени изученным вопрос о наличии и особенностях функционирования в данных текстах языковых метафор.

Проведенный нами анализ научной литературы свидетельствует о том, что исследования на данную тему посвящены в основном анализу стилистических характеристик деловых текстов или вопросам их перевода. Мы не обнаружили работ об использовании языковых метафор в текстах официально–делового стиля.

1.3. Культурологический аспект перевода метафор

Ввиду мировой глобализации и активного развития международных отношений, результатом которых становится принятие на мировом уровне законов и подписание двусторонних соглашений, вопрос о стилевых особенностях деловых и юридических текстов, а также об их переводе приобретает особое значение: «экспоненциальный рост международных договоров как на личном, так и на общественном уровне (международная торговля, коммуникация, эмиграция, туризм и т.д.), а также политическая и экономическая интеграция, включающая постепенную интеграцию правовых систем (например, ЕС) в билингвистических (в некоторых случаях – в би-юридических) странах, вызвала растущий интерес к равным языковым правам, что способствовало привлечению большого теоретического внимания к юридическому переводу» (Garzone, 2000, 395).

Юридический перевод является одним из наиболее сложных, ввиду его культурной опосредованности, глубоких категориальных и концептуальных различий в правовых

системах (Ibid.). Соответственно, различные правовые системы получают различные языковые номинации, выраженные, как правило, в метафорических выражениях, поэтому культурологическая составляющая деловых текстов и языка закона создается за счет метафоры как одного из способов выражения языковой картины мира. «Каждый новый этап социального развития страны отражается в метафорическом зеркале, где вне зависимости от чьих-либо намерений фиксируется подлинная картина общественного самосознания» (Чудинов, <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>), поэтому «необходимо осмысление лежащей за текстом реальной ситуации, знание самой действительности» (Бархударов, 1978, с. 22; цит. по: Швейцер, 2009, с. 56).

Как уже упоминалось выше, культурологическая база правовых систем различных государств создает определенные сложности при переводе, становясь одной из основных причин непереводимости. Непереводимость юридических текстов обусловлена как наличием/отсутствием политических и юридических реалий в двух культурах («реалии – это предметы и явления, а не слова, называющие их» (Gudavičius, 2007, с. 89)), так и их языковым выражением, то есть теми лексическими единицами, которые становятся непосредственными единицами перевода и в лингвистике традиционно называются безэквивалентной лексикой: «переводчик <...> выделяет в нем [тексте] фрагменты, наиболее сложные с точки зрения их транспозиции в другой язык и в другую культуру, в частности те элементы лежащей за текстом предметной ситуации, которые представляют собой лакуны в фоновых знаниях получателя» (Швейцер, 2009, с. 56-57).

Являясь одной из категорий культурно-маркированной лексики, как живые, так и мертвые метафоры составляют значительную ее часть. Безусловно, нельзя утверждать, что все метафоры не могут быть переведены на целевой язык: многие из них настолько прочно вошли в язык, что стали устойчивыми стандартизированными выражениями и приобрели соответствующие языковые эквиваленты во многих языках. А.Д.Швейцер относит подобные метафоры к «интернациональной фразеологии». Он пишет: «Нередко метафора и лежащий в ее основе образ сохраняются. Это имеет место особенно часто при переводе так называемой интернациональной фразеологии, т.е. фразеологии, существующей во многих языках» (Швейцер, 2009, с. 138). Тем не менее, следует подчеркнуть, что во многих случаях культурная обусловленность метафор имеет важное значение при их переводе.

Трудности перевода метафор обуславливаются также непосредственным различием самих языков. Русский и литовский языки имеют общую историческую основу – индоевропейский праязык (Поляков, 1998). По утверждению В.Мажюлиса (V.Mažiulis) (2001), из всех современных индоевропейских языков балтийские языки (и особенно

литовский язык) наименее отошли от первичной формы (т.е. индоевропейского праязыка). В свою очередь, славянские языки «являются наиболее близкими к балтийским языкам» (Поляков, 1998, с. 2). Более того, предполагается, что «существовал особый балто-славянский праязык. Многие формы литовского языка, а также других балтийских языков очень близки к тем, которые восстанавливаются для славянского праязыка» (Ibid.).

Тем не менее, в результате определенных исторических, культурных, социальных факторов современные литовский и русский языки имеют существенные фонетические, морфологические синтаксические различия, что, в свою очередь, обуславливает определённые трудности при переводе.

По мнению Н.И.Маругиной, «фактор культуры, который может играть особую роль при переводе метафоры одного языка на другой, рассматривается многими исследователями в силу того, что разные языковые сообщества по-разному воспринимают и категоризируют мир. Вследствие включения фактора культуры в смысл метафоры, возникают особые проблемы перевода» (Маругина, 2008, с. 44). Значения аналогичных понятий в различных языках и культурах могут не совпадать, поскольку при метафоризации единиц, называющих одну реалию, в разных языках «одни и те же объекты могут получать разные оценочные характеристики, так как их представители выделяют и фиксируют разные стороны одного и того же явления» (Чарыкова, 2009, с. 87).

В данном аспекте заслуживает внимания книга Дж.Дикинса (J.Dickins), С.Херви (S.Hervey) и Я.Хиггинса (J.Higgins) “Thinking Arabic Translation” («Размышления об арабском переводе»), в которой авторы рассмотрели вопросы перевода языковых метафор в контексте культурных и жанровых особенностей текстов. По их мнению, языковые метафоры, как правило, не воспринимаются таковыми, поскольку их метафорический элемент является очень слабым и может игнорироваться при переводе. В определенных случаях метафору следует переводить не метафорическим выражением. В случае перевода языковых метафор всегда следует учитывать, является ли данная метафора в языке перевода мертвой: «в некоторых контекстах использование метафоры с большей метафорической силой, по сравнению с метафорой исходного языка, является неуместным» (Dickins и др., 2002, с. 150).

Таким образом, с точки зрения вышеуказанных авторов, при переводе метафоры необходимо учитывать не только ее тип (поэтическая/языковая), но и конкретный контекст и жанровые особенности ее употребления. Именно данные два основных признака должны лежать в основе адекватного перевода метафоры.

М.Бэйкер (M.Baker) (2006) отмечает, что основная трудность при переводе любого устойчивого выражения заключается в его значении, формируемом не отдельными входящими в него словами, а всем выражением как единым целым. Более того, подобное выражение часто не совпадает с грамматическими правилами данного языка или нарушает их, что затрудняет понимание и распознавание подобных оборотов в тексте или речи.

Для перевода метафорических выражений автор предлагает следующие способы:

- использование выражения с аналогичным значением и формой;
- использование выражения с аналогичным значением, но различной формой;
- перевод перефразированием;
- перевод пропуском (Baker, 2006, с. 65).

Английский переводовед П.Ньюмарк выделил следующие методики перевода метафор:

- сохранение метафорического образа, естественного для носителей другого языка;
- замена метафоры другой метафорой–эквивалентом;
- перевод метафоры сравнением;
- сохранение метафорического образа с добавлением разъясняющей информации с целью прояснения основы сравнения метафоры;
- перевод метафоры перефразированием (Newmark, 1988, с. 107).

Интересными, на наш взгляд, являются приемы перевода метафор, разработанные А.Д.Швейцером, которые он называет «метафорическими трансформациями»:

1) Метафоризация:

- замена неметафорического образа метафорическим (данный способ часто используется при переводе лексических (привычных/стертых) метафор;
- замена экспрессивно–окрашенного словосочетания метафорическим образом.

2) Реметафоризация:

- замена одной метафоры другой, естественной для языка перевода (в данном случае метафорический перенос может иметь отличную от оригинальной основу);
- замена одной метафоры другой, имеющей одинаковую основу (часто используется при переводе интернациональной фразеологии).

3) Деметафоризация:

- дословный перевод метафоры;

- пояснительный (интерпретационный) перевод метафоры (Швейцер, 2009, с. 136-139).

На наш взгляд, в силу стилистических особенностей деловых текстов не все указанные выше способы могут использоваться при переводе документов, как, например, предложенный П.Ньюмарком описательный перевод с добавлением разъясняющей информации.

Кроме того, мы считаем необходимым обратить внимание на выделенный А.Д.Швейцером способ метафоризации, при котором изначальное неметафорическое выражение при переводе заменяется на метафорическое. Мы полагаем, что при переводе мертвых метафор деловых текстов данный способ может реализовываться.

Выводы:

1. На сегодняшний день наряду с классической теорией метафоры существуют другие направления, рассматривающие данное явление не только как языковой феномен, но как способ познания и мировосприятия, обусловленный психомоторным, культурным и социальным опытом человека.
2. Значительный вклад в становление когнитивной теории метафоры внесли многие ученые, в частности научный труд Дж.Лакоффа и М.Джонсона «Метафоры, которыми мы живем».
3. Несмотря на различие в используемых для обозначения языковых метафор терминах, их существование является общепринятым фактом. В официально-деловом стиле языковые метафоры составляют значительную часть. Они выражаются в виде стандартизированных выражений и шаблонных фраз и служат для передачи определенной функционально-стилистической маркированности текстов данного стиля.
4. Нами не выявлены работы, посвященные изучению функционирования языковых метафор в официально-деловых текстах на материале литовского и русского языков.
5. Основная трудность при переводе языковых метафор официально-деловых текстов детерминирована их социокультурной спецификой и различиями самих языков.

Глава II

2.1. Семантический анализ языковых метафор

А.Гудавичюс выделяет 5 типов отношений между эквивалентными значениями русского и литовского языков:

1. Тождество;
2. Включение (литовское значение богаче по составу сем, чем русское значение);
3. Включение (литовское значение беднее по составу сем, чем русское значение);
4. Пересечение;
5. Безэквивалентность (Гудавичюс, 1985, с. 53).

Рассмотрим более подробно вышеперечисленные типы отношений на фактическом материале нашего исследования.

1. Отношение тождества: $X = Y$ (X – значение литовского слова, Y – значение русского слова). При данном типе семантических отношений значение слова одного языка полностью соответствует значению слова другого языка. Как отмечает А.Гудавичюс, к типу семантически тождественной относится «конкретная лексика»: названия географических объектов, природных явлений, животных, растений, действий, свойств и состояний, а также терминологическая лексика, в том случае, если «данные предметы и явления не играют какой-либо особой, специфической роли в жизни общества» (Gudavičius, 2007, с. 69).

Нами установлены случаи совпадений значений языковых метафор: *baudžiamoji byla* – уголовное дело, *melagingas paliudijimas* – ложное свидетельствование, *laisvės atėmimas* – лишение свободы, *teismo nutartis* – определение суда, *nusikaltimo sudėtis* – состав преступления, *nusikaltimo pėdsakai* – следы преступления, *tyčiniškas nužudymas* – умышленное убийство, *ūkiniai nusikaltimai* – хозяйственные преступления, *augalų ligos* – болезни растений, *pagal nuteisimo vietą* – по месту осуждения и др.

Отношения тождества выявлены среди языковых метафор, называющих предприятия и учреждения, термины и специальную лексику:

Aukščiausiasioji Taryba – Верховный Совет, *Ginkluotosios Pajėgos* – Вооруженные Силы, *auklėjimo-darbo profilaktoriumas* – воспитательно-трудовой профилакторий, *kolonijagyvenvietė* – колония-поселение, *bendrojo/sustiprintojo režimo kolonija* – колония общего/усиленного режима, *drausmės batalionas* – дисциплинарный батальон, *vidaus reikalų organai* – органы внутренних дел, *viešojo maitinimo įmonės* – предприятия

общественного питания, *Raudonasis Kryžius/Pusmėnulis* – Красный Крест/Полумесяц, *draugiškasis teismas* – товарищеский суд, *liaudės draugininkas/deputatas/teismas* – народный дружинник/депутат/суд, *Valstybinio banko bilietai* – билеты Государственного банка, *pašto tarptautiniai atsakymo kuponai* – международные почтовые ответные купоны, *stabdomoji oro magistralė* – воздушная тормозная магистраль и др.

Частотность совпадений значений анализируемых русских и литовских метафор объясняется наличием в прошлом общего политико-экономического контекста, имевшей место тенденцией к постепенному сближению национальных культур: слова, обозначающие предметы и явления советского быта, напрямую заимствованы из русского языка (Гудавичюс, 1985). Таким образом, поскольку значения данных слов являются тождественными в обоих языках, перевод языковых метафор данного типа не представляет трудности.

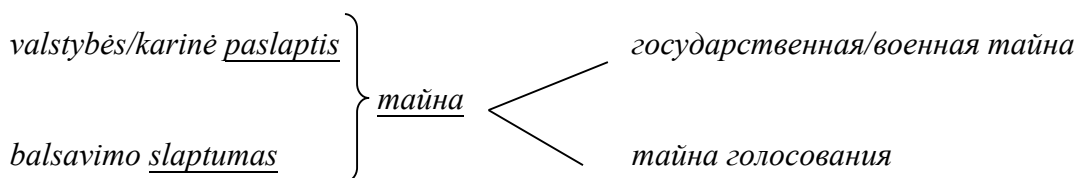
Отношения включения (типы 2 и 3) относятся к категории значений разного объема. При данных типах отношений «значения эквивалентных сем в разных языках очень часто не совпадают по объему. Это результат разной категоризации мира» (Gudavičius, 2007, с.70).

2. Отношение включения: $X \supset Y (X = Y + a)$. При данном типе отношений значение литовского слова богаче по составу сем. Приведем несколько примеров:

- *slaptumas* \supset *тайна*;

тайна = *paslaptis*: «нечто скрываемое от других, известное не всем»;

slaptumas = «тайна» + «нечто, производимое таким образом, чтобы другие не видели, не знали».

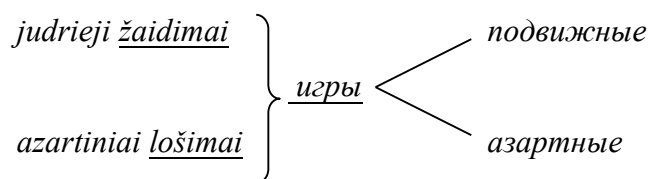

Языковые метафоры *valstybės/karinė paslaptis* – *государственная/военная тайна* обозначают определенную информацию/сведения, не предназначенные для разглашения обществу. Метафора *balsavimo slaptumas* – *тайна голосования* выражает более конкретное значение понятия «тайна» – процесс голосования, осуществляемый индивидуально в закрытом помещении без посторонних лиц. Аналогично:

- **lošimas** \supset **игра**

užra = *žaidimas*: «занятие, обусловленное совокупностью определённых правил, приёмов и служащее для заполнения досуга, для развлечения»;

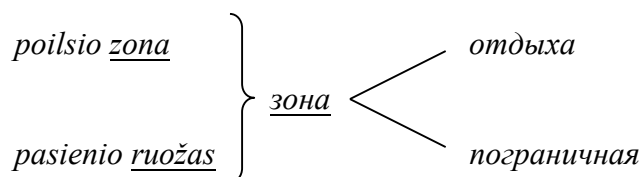
lošimas = «игра» + «в карты, лотерею».

- **ruožas** \supset **зона**:

zona = *zona*: «территория»;

ruožas = «территория» + «ограниченный участок/полоса данной территории».

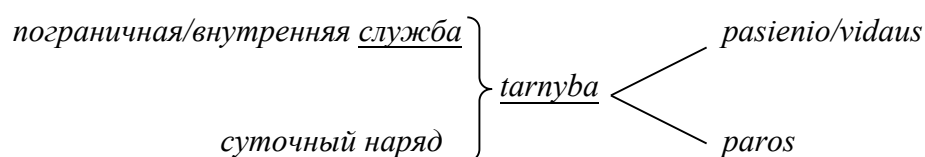
А.Гудавичюс отмечает, что в подобных примерах литовские семемы являются гипонимами по отношению к русским, т.е. они отражают более специализированные значения с более богатым содержанием: *paslaptis*, *slaptumas* – тайна; *žaidimai*, *lošimai* – игры; *zona*, *ruožas* – зона. В свою очередь, русские семемы *тайна*, *игры*, *зона* являются гиперонимами по отношению к литовским, т.е. их значения не дифференцированы по отношению к литовским эквивалентам (Gudavičius, 2007).

3. Отношение включения: $X \subset Y$ ($X + a = Y$). При данном типе отношений значение литовского слова беднее по составу сем, чем русское значение данного слова:

- **tarnyba** \subset **наряд**

tarnyba = *служба*: «исполнение воинских обязанностей»;

наряд = «служба» + «задание, работа, выполняемые военнослужащими».

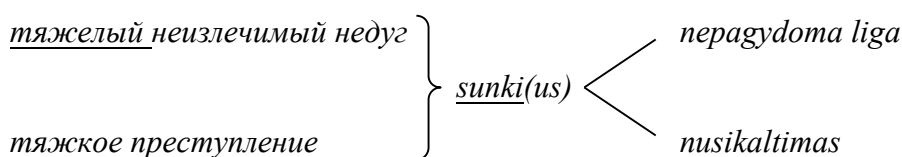

В приведенном примере литовская семема *tarnyba* является недифференцированной по отношению к русским *служба* и *наряд*. Аналогично:

- *sunkus* ⊂ *тяжкий*

sunkus = «тяжелый»;

тяжкий = «тяжелый» + «очень серьезный, опасный».

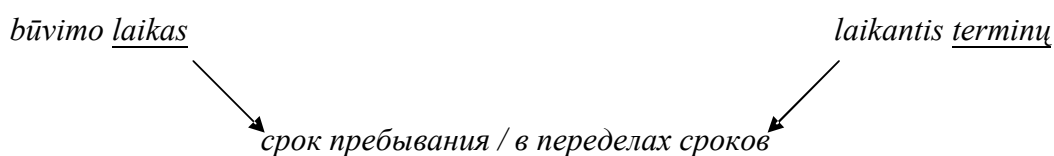
А.Гудавичюс (1985) отмечает, что среди эквивалентностей второго и третьего типа встречаются более сложные случаи, когда значение семемы одного языка имеет более богатые и более бедные по содержанию эквиваленты в другом языке. Ср:

- *laikas* ⊂ *срок* ⊂ *terminas*

laikas = «время»;

срок = «время» + «определённый промежуток времени»;

terminas = «определённый промежуток времени» + «назначенный, установленный момент исполнения, наступления чего-либо».

4. Отношение пересечения: $X \cap Y (X + a = Y + b)$. Как утверждает А.Гудавичюс, данные отношения характерны для частично совпадающих значений. Это означает, что при категоризации предметов и явлений, различные народы «основывались не на одинаковом классификационном признаке, поэтому классы частично совпадают» (Gudavičius, 2007, с. 81).

Примеров данного типа семантических отношений нами не было обнаружено. Кроме того, ввиду функционально-стилистических особенностей изучаемого материала, в текстах данного типа исключается возможность использования многозначных слов: «точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания (толкования) – идеал законодательных текстов» (Кожина, 1983, с. 175).

5. Отношение безэквивалентности. К данному типу отношений А.Гудавичюс (2007) относит значения, не имеющие однословных эквивалентов в другом языке, т.е. безэквивалентную лексику, называющую предметы и явления действительности, характерные только для определенного народа.

В случае литовско-русского перевода процент безэквивалентной лексики намного ниже, чем при переводе с других иностранных языков.

Мы выявили два случая отсутствия эквивалентного значения в русском и литовском языках:

- мужеложство – *vyro lytinis santykiavimas su vyru*
- самогон – *namų gamybos stiprūs alkoholiniai gėrimai*

В обоих случаях русские семемы не имеют эквивалентов в литовском языке.

2.2. Структурный анализ языковых метафор

П.Ньюмарк выделяет «одиначные», или состоящие из одного слова, и «распространенные» метафоры. К числу «распространенных» метафор автор относит «словосочетания, идиомы, предложения, аллегории, законченный художественный текст» (Newmark, 1988, с. 104). Поскольку любая «распространенная» метафора представляет собой, в первую очередь, словосочетание, для более подробного анализа структуры данных метафор мы воспользовались предложенной О.Б.Сиротининой классификацией, в которой автор выделяет двух-, трех- и четырехсловные словосочетания (Сиротинина, 1980, с. 30). Таким образом, все выявленные нами языковые метафоры были разделены на следующие группы:

- однословные;
- двусловные;
- трехсловные;
- четырехсловные.

Под *словом* мы понимаем любую знаменательную часть речи, поскольку «служебные слова не меняют структуры сочетания» (Labutis, 1994, с. 29-30).

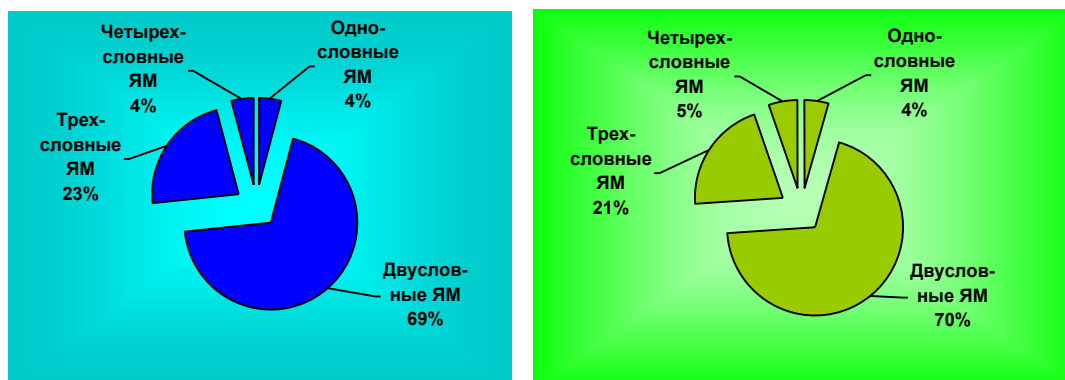
В ходе анализа нами были получены следующие результаты:

Таблица 1.

Статистическая характеристика русских и литовских языковых метафор (ЯМ)

Тип	Количество русских ЯМ	Количество литовских ЯМ
Однословные ЯМ	18	19
Двусловные ЯМ	301	303
Трехсловные ЯМ	98	90
Четырехсловные ЯМ	18	23

Статистическая характеристика русских и литовских языковых метафор (%)

Русские языковые метафорыЛитовские языковые метафоры

Таким образом, можем констатировать, что в количественном отношении русские и литовские языковые метафоры почти совпадают. В обоих языках преобладают двусловные языковые метафоры: 69% (301) и 70% (303), в русском и литовском языках соответственно.

Анализ двусловных языковых метафор. Для структурного анализа русских и литовских двусловных метафор мы воспользовались предложенной Н.С.Валгиной классификацией словосочетаний, которая выделяет следующие типы:

- **субстантивные словосочетания**, в которых главным словом является имя существительное; в качестве зависимого слово могут выступать существительное, прилагательное, местоименное прилагательное, порядковое числительное, причастие, наречие и инфинитив;
- **глагольные словосочетания**, в которых главным словом является глагол; в качестве зависимого слова могут выступать существительное, местоимение, инфинитив, деепричастие и наречие;
- **адвербиальные словосочетания**, в которых главным словом является наречие; зависимыми словами могут выступать существительное и наречие;
- **адъективные словосочетания**, в которых главным словом является имя прилагательное, зависимыми словами могут выступать существительное, местоимение, наречие, инфинитив;
- **прономанальные**, в которых главным словом является имя числительное, зависимыми словами могут выступать существительное и числительное;

- **нумеративные** в которых главным словом является местоимение, зависимыми словами могут выступать существительное и местоимение (Валгина, 1991, с. 35-37).

Кроме того, автор отмечает, что все указанные группы могут быть *предложными* и *беспредложными* (Ibid.).

Из перечисленных выше типов нам удалось выделить четыре: *субстантивные*, *глагольные*, *адverbиальные* и *адъективные*. Пронаменальных и нумеративных двусловных языковых метафор нами не было установлено. Результаты анализа приводятся ниже:

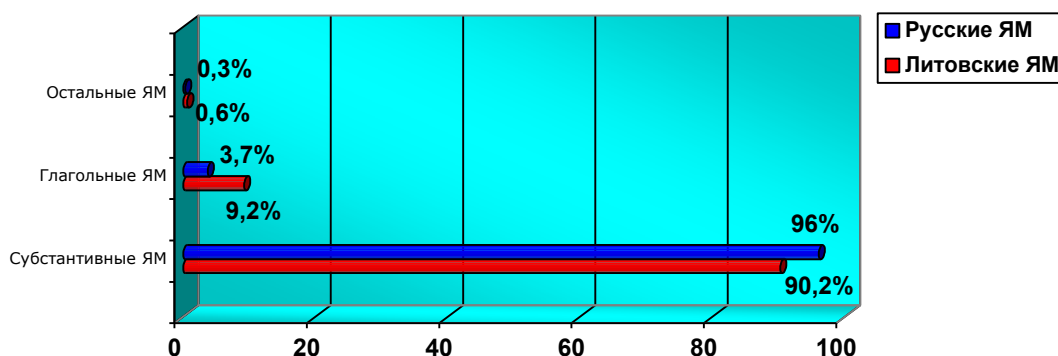
Таблица 2.

Структурный состав литовских и русских двусловных языковых метафор (ЯМ)

Тип	Количество русских ЯМ	Количество литовских ЯМ
Двусловные <i>субстантивные</i> ЯМ	289	273
Двусловные <i>глагольные</i> ЯМ	11	28
Двусловные <i>адverbиальные</i> ЯМ	1	1
Двусловные <i>адъективные</i> ЯМ	-	1

График 2.

Структурный состав литовских и русских двусловных языковых метафор (ЯМ) (%)

Таким образом, в обоих языках преобладают двусловные *субстантивные* метафоры: они составляют 96% (289) от общего количества русских двусловных языковых метафор и 90,2% (273) – от аналогичных литовских метафор. Данное обстоятельство детерминировано, по-видимому, двумя причинами: доминированием имени существительного в отношении других частей речи, с одной стороны, и морфологическими особенностями официально-делового стиля, с другой. Как отмечает И.Б.Голуб, «имя существительное занимает главное место в составе морфологических ресурсов русского языка. Это обусловлено его семантическими свойствами, количественным преобладанием над другими частями речи и потенциальными изобразительно-выразительными возможностями» (Голуб, 1989, с. 25). По мнению автора, частотность употребления различных частей речи зависит от стилевой принадлежности текста. Особенно велика потребность в частом обращении к существительным в

официально-деловом стиле (Ibid.). Аналогичного мнения придерживается М.Н.Кожина, которая одним из наиболее типичных лингвистических признаков официально-делового стиля называет его именной характер: «частота употребления существительных здесь выше, чем в остальных функциональных стилях» (Кожина, 1983, с. 180).

Мы полагаем, что вышеуказанным объясняется частотность выявленных в обоих языках двусловных субстантивных языковых метафор: *aborto padarymas* – производство аборта, *baudos išieškojimas* – взыскание штрафа, *bylos medžiaga* – материалы дела, *medžiagų palaidojimas* – захоронение веществ, *pinigų realizavimas* – сбыт денег, *prieglaudos teisė* – право убежища, *tardymo organai* – органы дознания и др.

При этом целесообразно обратить внимание на то, что значительную часть существительных, входящих в состав анализируемых языковых метафор, составляют отглагольные существительные, служащие для обозначения «лиц, предметов деятельности людей, их действий» (Голуб, 1989, с. 25): *išeikvojimas* – отчуждение, *išieškojimas* – взыскание, *padarymas* – совершение, *atraukimas* – привлечение, *pritaikymas* – применение, *privedimas* – доведение, *suiėškojimas* – приискание, *uždraudimas* – запрещение и др.

М.Н.Кожина акцентирует, что «отглагольные существительные и образованные от них устоявшиеся обороты речи (синонимичные глагольному выражению) нередко ведут за собой цепь имен в родит. падеже» (Кожина, 1983, с. 180-181).

Полученные нами результаты подтверждают данный тезис: значительную часть субстантивных языковых метафор составляют метафоры со следующей конструкцией:

«отглагольное существительное + существительное в Р.п.»

baudos išieškojimas – взыскание штрафа, *duomenų pagarsinimas* – разглашение данных, *medžiagų palaidojimas* – захоронение веществ, *nuosprendžio vykdymas* – исполнение приговора, *pasėlių sužalojimas* – повреждение посевов, *žinių pagrobimas* – похищение сведений, *turto išėikvojimas* – отчуждение имущества, *teisčių atėtimas* – лишение прав, *įrankių pritaikymas* – приспособление средств, *įrankių suiėškojimas* – приискание средств и т.д.

Рассмотрев двусловные субстантивные метафоры в обоих языках, мы выявили, что 72% литовских двусоставных субстантивных языковых метафор и 65% аналогичных русских языковых метафор имеют следующую конструкцию:

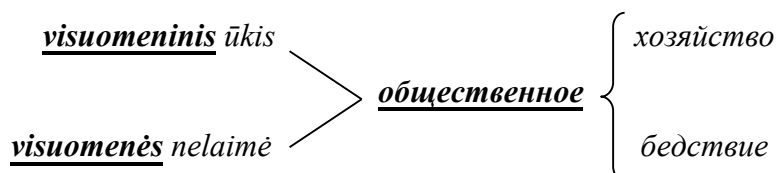
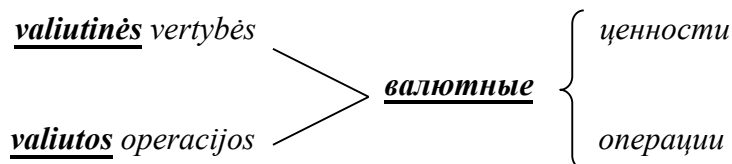
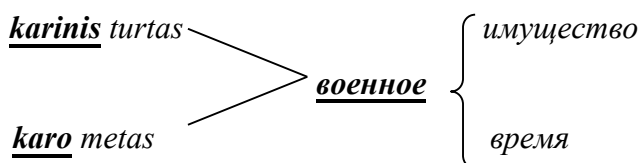
«существительное + прилагательное»

azartiniai lošimai – азартные игры, *darbinė mobilizacija* – трудовая мобилизация, *kooperatinė parduotuvė* – кооперативный магазин, *narkotinės medžiagos* – наркотические вещества, *profesinė sąjunga* – профессиональный союз, *piniginė nuobauda* – денежное

взыскание, *lygtinis nuteisimas* – условное осуждение, *vertybiniai popieriai* – ценные бумаги, *turtinė nauda* – имущественная выгода и др.

Данная закономерность объясняется частотностью употребления имен существительных, поскольку «при именном типе речи, как правило, в тексте господствуют не только существительные, но и прилагательные. Отличительным признаком их употребления в разных функциональных стилях является преобладание относительных прилагательных в научном, официально-деловом стилях <...> обращение к относительным прилагательным в законодательных документах обусловлено необходимостью частого выражения в них отношений между лицами и государством, лицами и предметами и т.д.» (Голуб, 1989, с. 52): *komunalinis ūkis* – коммунальное хозяйство, *socialistinės organizacijos* – социалистические организации, *tarybiniai laivai* – советские суда, *tarptautinės komplikacijos* – международные осложнения, *ūkinių nusikaltimai* – хозяйственные преступления, *valstybinė vėliava* – государственный флаг, *visuomeninis ūkis* – общественное хозяйство, *kolūkiečių kiemas* – крестьянский двор, *liaudies draugovinė* – народный дружинник, *liaudies teismas* – народный суд и т.д.

Из приведенных выше примеров следует, что русские относительные прилагательные могут соответствовать в литовском языке как относительным прилагательным, так и именам существительным в родительном падеже:

Данную вариативность выражения относительных прилагательных в литовском языке К.Мустейкис (K.Musteikis) трактует следующим образом: «В литовском языке сфера употребления родительного определительного гораздо шире, чем в русском. По своей функции литовский родительный совмещает в себе то, что в русском языке выражается относительными прилагательными» (Мустейкис, 1972, с. 77-78). Более того, использование только родительного падежа для выражения значения принадлежности часто обуславливается тем, что в литовском языке от определенных существительных отсутствует возможность образования прилагательных (Ibid.): *tardymo izoliatorius* – следственный изолятор, *pasienio ruožas/tarnyba* – пограничная зона/служба и др.

Тем не менее в русском языке также возможно выражение принадлежности посредством родительного падежа существительного (Ibid.): *права граждан* = *гражданские права*. При этом в литовском языке используется эквивалентная фраза с конструкцией «прилагательное + существительное»: *права граждан* – *pilietinės teisės*.

Вторую по частотности группу среди двусловных метафор в обоих языках составляют **глагольные языковые метафоры**. В количественном отношении между русскими и литовскими глагольными языковыми метафорами наблюдается значительное расхождение (см. График 2.). Особого внимания глагольные метафоры заслуживают потому, что «из всех частей речи глагол выделяется лингвистами как самая сложная и емкая» (Голуб, 1989, с. 99).

Основное несовпадение и трудность при переводе глагольных метафор заключается в наличии в литовском языке «особой неизменяемой отглагольной формы – падаливиса » (Мустейкис, 1972, с. 226) и в отсутствии её аналога в русском языке:

didžiai susijaudinus – в состоянии сильного душевного волнения,

įjungiant į darbą – привлечение к труду,

peržengiant būtinuosius ginties ribas – превышение пределов необходимой обороны,

simuliuojant ligą – симуляция болезни,

suklastojant dokumentus – подлог документов,

turint tikslą – с целью,

apgaujinėjimas matuojant – обман путем обмеривания.

Таким образом, при переводе падаливиса переводчик использует конструкции с отглагольным существительным в сочетании с предлогом. Тем не менее в зависимости от грамматической категории времени (настоящего/прошедшего) падаливис реализует различное лексическое значение: «падаливис настоящего времени обозначает второстепенное действие, которое по времени совпадает с главным, а падаливис прошедшего времени – действие, предшествующее главному» (Мустейкис, 1972, с. 227). В

нашем материале данная особенность литовского падаливиса не прослеживается, поскольку для этого необходим анализ на уровне предложения.

Тем не менее нам удалось выявить ряд примеров, в которых упомянутая выше семантическая особенность падаливиса в отношении передачи значений времени зафиксирована в переводе на русский язык на уровне словосочетаний:

darant kvota – при производстве дознания,
sudedant bausmes – при сложении наказаний,
priėmus nuosprendį – после вынесения приговора,
pasibaigus laikui – по истечении срока.

Таким образом, литовский падаливис может выражаться в русском языке различными способами.

Нами были выделены два способа перевода:

- ◆ замена падаливиса *предложно-надежным сочетанием* и
- ◆ замена падаливиса конструкцией «*отглагольное существительное + Р.п. существительного*».

Отметим, что, кроме вышесказанного, нами не было выявлено существенных различий при переводе глагольных языковых метафор с литовского на русский язык. В большинстве случаев они переводятся аналогичными конструкциями (в том числе, причастными и деепричастными формами): *pateisinti pasitikėjimą* – *оправдать доверие*, *sušvelninti bausmę* – *смягчить наказание*, *piktybiškai pažeidinėti* – *злостно нарушать*, *žvalgybos užverbuotas* – *завербованный разведкой* и т.д.

В ряде случаев наблюдается перевод глагольных метафор посредством субстантивных метафор: *atlikti prievolės* – выполнение повинностей, *išprovokuoti karą* – провокация войны, *pakirsti pramonę* – подрыв промышленности, *susilpninti valdžią* – ослабление власти и др. Как уже отмечалось выше, данный факт обусловлен именным характером русского официально-делового стиля: «их [глаголов] употребление сводится до минимума в официально-деловом стиле, который отличается наиболее ярко выраженным именовым характером» (Голуб, 1989, с. 99).

Менее одного процента в обоих языках составляют двусловные *адвербиальные* и *адъективные* языковые метафоры: *kaltininkui žinomai* – *заведомо для виновного*, *priešingas įstatymams* – *неправосудный*, *žinomai nekaltas* – *заведомо невиновный*.

При этом в переводе данных метафор с литовского языка на русский язык наблюдаются существенные расхождения. Так, литовская беспредложная *адвербиальная* метафора *kaltininkui žinomai* переводится на русский язык предложной конструкцией *заведомо для виновного* с сохранением *адвербиальной* модели словосочетания.

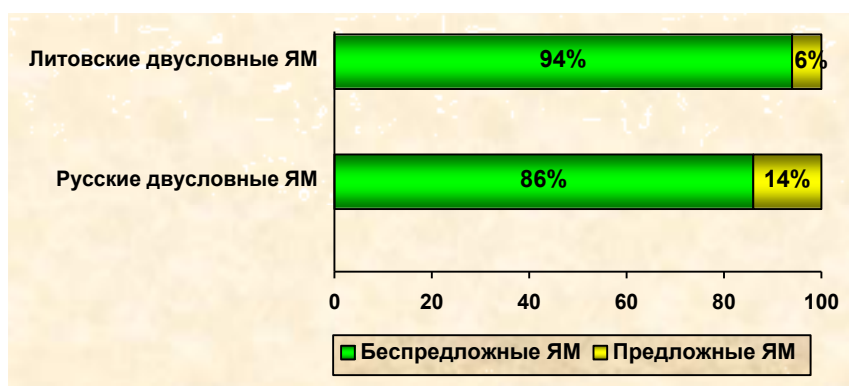
При переводе адъективной метафоры *priešingas įstatymams* переводчик использует однословную метафору *неправосудный*. При этом сложная с точки зрения структуры основа данного субстантивированного прилагательного передает метафорический характер производящего словосочетания: *неправосудный* = *не* + *право* + *суд*.

Перевод метафоры *žinotai nekaltas* – *заведомо невиновный* является примером сохранения соответствия аутентичной и переводной метафоры в количественном и структурном аспектах.

Одно из главных отличий русского и литовского языков заключается в использовании *предложных* и *беспредложных* конструкций: «для русского языка характерны формы с омонимичными падежными флексиями. При падежной омонимии предлог является важным средством, помогающим определить падежную форму имени» (Горшкова и др., 1985, с. 309), поэтому анализ структуры двусловных предложных и беспредложных языковых метафор имеет важное значение для нашего исследования. Более того, К.Мустейкис акцентирует, что «употребление предлогов очень ярко отражает национальную специфику, своеобразие каждого языка» (Мустейкис, 1972, с. 252). Проведенный нами анализ показал, что употребление предложных конструкций, а также способы выражения различных отношений при помощи предлогов в двух языках во многом являются аналогичными, однако наблюдаются и определенные различия.

График 3.

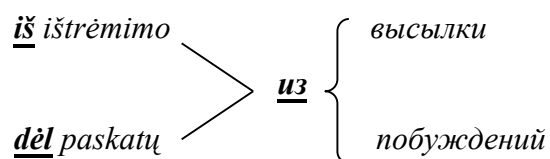
Двусловные предложные и беспредложные литовские и русские языковые метафоры (ЯМ) (%)

Таким образом, при переводе двусловных *предложных* метафор с литовского языка на русский язык более половины употреблённых предлогов совпадают в значениях. К.Мустейкис относит данные предлоги к группе производных и этимологически общих предлогов: *be* – *без*, *iš* – *из*, *su* – *с* и др. Например: *asmuo be pilietybės* – *лицо без гражданства*, *kova su ligomis* – *борьба с болезнями*, *susiję su smurtu* – *сопряженные с*

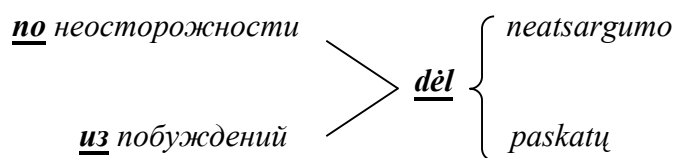
насилием, *grįžimas iš ištrėmimo* – возвращение из высылки, *išimti iš apyvartos* – изъятые из обращения и т.д. (Мустейкис, 1972, с. 251).

Характерно, что один и тот же предлог может использоваться для выражения различных синтаксических отношений (Ibid., с. 252). Ср.:

Приведенные выше словосочетания иллюстрируют разноплановые отношения: *iš ištrėmimo* – из высылки (пространственные значения), *dėl paskatų* – из побуждений (причинные значения), – для передачи которых в литовском языке актуализируются разные предлоги *iš* и *dėl*, а в русском языке – один предлог *из*.

В следующих примерах наблюдается обратный процесс: одинаковые синтаксические отношения (причинные значения), выражаемые в литовском языке одним и тем же предлогом *dėl*, в русском языке реализуются при помощи разных предлогов *по* и *из*:

Кроме того, анализ двусловных предложных метафор показал, что в большинстве случаев перевод предложных конструкций не вызывает затруднений, поскольку наблюдается совпадение в употреблении значений не только предлогов, но и падежей:

- *nuo* (ko?) – от (кого/чего?) = родительный п. (*nuo visuomenės* – от общества);
- *be* (ko?) – без (кого/чего?) = родительный п. (*be pilietybės* – без гражданства);
- *iš* (ko?) – из (кого/чего?) = родительный п. (*iš ištrėmimo* – из высылки);
- *į* (ką?) – в (во) (кого/что?) = винительный п. (*į pajamas* – в доход);
- *su* (kuo?) – с (кем/чем?) = творительный п. (*su smurtu* – с насилием).

Метафорические предложные конструкции, которые имеют фиксированную форму и в речи воспринимаются как единое, составляют семантически неделимое целое. Так, например, языковая метафора *atiduotas pagal laidavimą* переводится на русский язык эквивалентной устойчивой фразой *переданный на поруки*. В данном случае наблюдается несовпадение в употреблении предлога (*pagal* – на), поскольку дословный перевод предлога не представляется возможным вследствие неупотребительности конструкции *переданный по поручкам*. Аналогично: *atsakyti už prievolės* – отвечать по обязательствам. По сравнению с предыдущим примером, в котором оба предлога требовали использования одинакового падежа при несовпадении в числе (*pagal* (ką?) *laidavimą* (В.п., ед.ч.) – на (что?) *поруки* (В.П., мн.ч.)), в данном случае литовский предлог *už* и русский предлог *по*

управляют разными падежами: už (ка?) *prievoles* (В.п.) – no (чему?) *обязательствам* (Д.п.).

Интересным, на наш взгляд, является словосочетание *atleidimas iš pareigų*, которое может быть переведено двумя равноценными с грамматической точки зрения способами: *увольнение с должности* и *увольнение от должности*. Тем не менее приоритет в выборе *увольнение от должности* предопределён стилистическими и жанровыми особенностями текста.

Для русского и литовского языков характерно несовпадение падежей, употребляемых с предлогами. По утверждению Ю.Эльзбутаса (J.Elzbutas) (1985), наиболее последовательно подобные несоответствия наблюдаются при сопоставлении предложного падежа русского языка и местного падежа литовского языка. Местный падеж литовского языка не сочетается с предлогами, в то время как в русском языке предложный падеж не употребляется без предлога: в предложном падеже предлог «является органической частью самой падежной формы. Предложный падеж имеет только аналитический способ выражения» (Горшкова и др., 1985, с. 309): *laikymas daboklėje* – *содержание на гауптвахте*.

Данный пример иллюстрирует еще одну специфическую для русского языка закономерность, проявляющуюся посредством предлога *на*. Данный предлог формально служит для грамматического выражения чего-то, что происходит «на поверхности», а семантически соответствует действию, происходящему «внутри» (на предприятии, в учреждении). В литовском языке грамматическое и лексическое значения совпадают: «внутри». Кроме того, в русском языке с предлогом *на* употребляются существительные, обозначающие занятия, виды занятий, мероприятия, в литовском языке – местный падеж с общей семантикой места (Мустейкис, 1972, с. 254).

По мнению К.Мустейкиса, характерной чертой русского языка является увеличивающееся количество *отыменных предлогов*, которые в сочетании с отвлеченными существительными утрачивают «предметное значение и начинают выполнять функцию служебных слов» (Ibid., с. 251). Такого рода производные предлоги являются очень частотными в русском официально-деловом стиле: *с целью, в виде, в пределах, в ущерб, по месту, по истечении* и т.д. Для литовского языка производные предлоги подобного типа являются нерелевантными, вследствие чего они имеют в русском языке предложные эквиваленты посредством использования знаменательных частей речи: *laikantis terminų* – *в пределах сроков*, *interesams kenkti* – *в ущерб интересам*, *pasibaigus laikui* – *по истечении срока* и т.д.

Еще одно отличие русского и литовского языков заключается в том, что в русском языке в отдельных случаях имена существительные требуют использования строго определенного падежа (сильное управление), в то время как в литовском языке им соответствуют только беспредложные формы (Ibid.):

надругательство над (чем?) могилой/флагом – (ко?) kapo/vėliavos išniekinimas

↓
над + Т. п.

↓
Р.п. без предлога

преступления против (чего?) жизни/прав – nusikaltimai (kam?) gyvybei/teisėms

↓
против + Р.п.

↓
Д.п. без предлога

уклонение от (чего?) призыва/работы – (ко?) šaukimo/darbo vengimas

↓
от + Р.п.

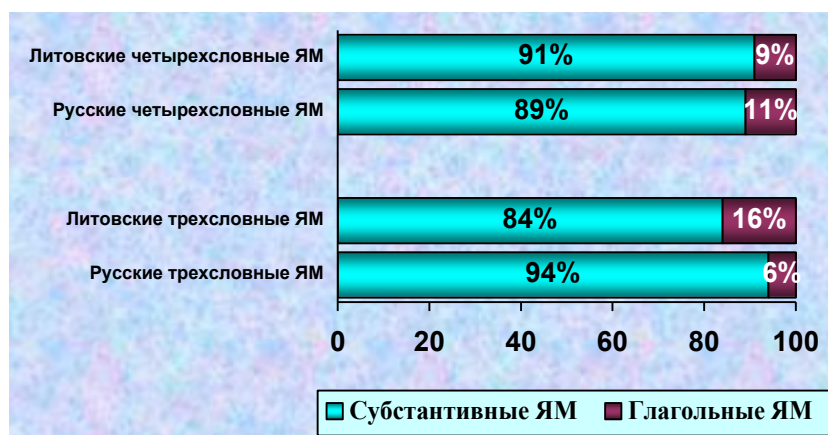
↓
Р.п. без предлога

Отметим, что значительная часть русских двусловных предложных конструкций имеет беспредложные эквиваленты в литовском языке, некоторые из них – однословные. Так, многие характерные для официально-делового стиля русские языковые метафоры в литовском языке выражаются одним словом: *вступать в силу* – *išigalioti*, *иметь на иждивении* – *išlaikyti*, *вступление в брак* – *susituokti*, *приведение в исполнение* – *įvykdyti*, *заклучение под стражу* – *suėmimas*, *находящиеся в производстве* – *esančios* и др.

Кроме того, при переводе беспредложных языковых метафор предложными конструкциями и наоборот имеют также место семантически неделимые словосочетания: *ganuto sezonas* – *выгон на пастбище*, *nenuimtas derlius* – *урожай на корню*. Наблюдается расхождение не только в структурном, но и в языковом и грамматическом плане при сохранении понятийного ядра.

Анализ трехсловных языковых метафор. Трехсловные и четырехсловные языковые метафоры составляют около ¼ от общего числа метафор (см. График 1.).

Структурный состав литовских и русских трех- и четырехсловные языковых метафор (ЯМ) (%)

Приведенные выше данные являются аналогичными полученным при анализе *двусловных* языковых метафор (ср. График 2.). В обоих языках преобладают среди трехсловных и трехсловных языковых метафор также *субстантивные* метафоры. Как отмечают В.Д.Бондалетов и др. (Стилистика русского языка, 1989), наиболее частотные в официально-деловом стиле существительные входят в устойчивые словосочетания: *piktnaudžiavimas tarnybine padėtimi* – злоупотребление служебным положением, *neatlikta baustmės dalis* – неотбытая часть наказания, *neklausymas teisėtų reikalavimų* – неповиновение законным требованиям, *priverstinis neatlygintinis paėmimas* – принудительное безвозмездное изъятие, *gamtos turtų žvalgymas* – разведка естественных богатств, *stiprūs alkoholiniai gėrimai* – крепкие алкогольные напитки, *administracinės priemonės* – меры административного взыскания, *pasisavinimas įtikėto turto* – присвоение вверенного имущества, *karinio turto iškleidimas* – проматывание военного имущества, *pataisos darbų atlikimo laikas* – срок отбывания исправительных работ, *pašto tarptautiniai atsakymo kuponai* – международные почтовые ответные купоны и др.

При этом «глагольные конструкции оказываются неуместными и действия обозначаются отглагольными существительными» (Голуб, 1989, с. 26), поэтому в трех- и четырехсловных метафорах также доминируют отглагольные существительные: *piktnaudžiavimas* – злоупотребление, *neklausymas* – неповиновение, *paėmimas* – изъятие, *atlikimas* – отбывание, *atleidimas* – освобождение, *atėmimas* – лишение, *paslėpimas* – сокрытие, *sunaikinimas* – уничтожение и т.д.

Проведенный нами анализ позволил выявить незначительное количество глагольных трех- и четырехсловных языковых метафор: *esantis bejėgiškumo būklėje* – находящийся в беспомощном состоянии, *atsižvelgdamas į bylos aplinkybes* – учитывая обстоятельства дела. При этом наблюдается несовпадение в количестве глагольных языковых метафор в

русском и литовском языках: в литовском языке выявлено 16 глагольных трех- и четырехсловных метафор; в русском – 8. Аналогичные результаты были получены при анализе *двусловных* глагольных метафор (см. График 4.). Преобладание глагольных языковых метафор в литовском языке объясняется более широким использованием глагольных форм, в частности падаливиса, отсутствующего в русском языке: *peržengiant būtinuosios ginties ribas* – превышение пределов необходимой обороны, *priėmus byloje nuosprendį* – после вынесения приговора по делу, *pasibaigus atidėjimo laikui* – по истечении срока отсрочки, *nepalikti eiti pareigas* – оставление занимаемой должности, *atlikti religines apeigas* – совершение религиозных обрядов, *Ginkluotosios Pajėgoms komplektuoti* – укомплектование Вооруженных Сил, *gyvuliams bei paukščiams šerti* – скармливание скоту и птице, *priešiškai veiklai vykdyti* – проведение враждебной деятельности и др.

К группе *трех-* и *четырёхсловных* метафор также могут быть отнесены

- метафоры, обозначающие органы государственной власти и учреждения: *vidaus reikalų organai* – органы внутренних дел, *valstybės saugumo organai* – органы государственной безопасности, *viešojo maitinimo įmonės* – предприятия общественного питания, *sustiprintojo režimo kolonija* – колония усиленного режима, *buitinio gyventojų aptarnavimo įmonės* – предприятия бытового обслуживания населения;
- метафоры, являющиеся терминами: *stabdomoji oro magistralė* – воздушная тормозная магистраль, *jūrų telegrafo kabelis* – морской телеграфный кабель, *Valstybinio banko bilietai* – билеты Государственного банка, *valstybės išdo bilietai* – государственные казначейские билеты, *pašto tarptautiniai atsakymo kuponai* – международные почтовые ответные купоны, *laisvės atėmimo vietos* – места лишения свободы, *priešgaisrinio saugumo taisyklės* – правила пожарной безопасности, *eismo saugumo taisyklės* – правила безопасности движения.

Проанализировав группу трех- и четырехсловных метафор с точки зрения наличия в их структуре предлогов, мы выявили, что в использовании предложных и беспредложных конструкций в русском и литовском языках прослеживаются значительные различия (см. с. 31-34 настоящей работы). Отметим, что при переводе некоторых данных предложных метафор наблюдается полное соответствие: *pagal nuosprendžio vykdyto vietą* – по месту исполнения приговора, *savavališkas grįžimas iš išėmimo* – самовольное возвращение из высылки, *prekių paslėpimas nuo pirkėjų* – сокрытие товаров от покупателей, *veiksmai, susiję su smurtu* – действия, сопряженные с насилием. Тем не менее имеют место и существенные расхождения. Значительная часть литовских беспредложных метафор при

переводе заменяется на предложные конструкции: *esantis bejėgiškumo būklėje* – находящийся в беспомощном состоянии, *itin stambiu mastu* – в особо крупных размерах, *patraukimas baudžiamojon atsakomybėn* – привлечение к уголовной ответственности, *Valstybinės vėliavos išniekinimas* – надругательство над Государственным флагом. Выявленная закономерность объясняется особенностями официально-делового стиля русского языка, а также сочетаемостью/несочетаемостью предлогов с различными падежами в русском и литовском языках: «в русском языке предлоги не употребляются только с именительным падежом, в литовском языке – с именительным и местным. В современном литовском литературном языке очень редко употребляются предложные словосочетания с дательным падежом» (Мустейкис, 1972, с. 250).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают случаи перевода языковых метафор, при которых происходит изменение количественного состава метафор: *švelnesnė baustė* – более мягкое наказание, *civilinė metrikacija* – запись актов гражданского состояния, *pranešimas visuomenei* – доведение до сведения общественности, *galioti atgal* – иметь обратную силу, вести паразитический образ жизни, *girtas* – находящийся в алкогольном опьянении, *gyventi parazitiškai* – вести паразитический образ жизни, *laisvės atėmimo baustė* – наказание в виде лишения свободы.

С одной стороны, подобные изменения мотивируются собственно языковыми факторами. Например, в русском и литовском языках наблюдаются расхождения при образовании сравнительной степени прилагательных: *švelnesnė baustė* – более мягкое наказание, *griežtesnė baustė* – более строгое наказание. К.Мустейкис объясняет подобное различие тем, что в русском языке в ряде случаев аналитическая форма является единственно возможной, т.к. от определенных групп прилагательных нельзя образовать форму простой сравнительной степени. В литовском языке, напротив, «простая форма сравнительной степени образуется без каких-либо ограничений» (Мустейкис, 1972, с. 68): *švelnus* → *švelnesnis*, *griežtas* → *griežtesnis*.

В большинстве случаев изменение количественного состава метафор, а также замена беспредложных конструкций предложными при переводе обусловливается стилевыми особенностями официально-деловой речи: в том числе использованием большого количества отыменных предлогов, стандартизированных оборотов и специальной лексики: *girtas* – находящийся в алкогольном опьянении, *laisvės atėmimo baustė* – наказание в виде лишения свободы, *galioti atgal* – иметь обратную силу, *civilinė metrikacija* – запись актов гражданского состояния и др.

Анализ однословных языковых метафор. Однословные языковые метафоры представлены единичными примерами в обоих языках: 4 % от общего количества

языковых метафор (18 – в русском языке; 19 – в литовском языке). Входящие в данную группу метафоры представляют собой с точки зрения морфемного состава сложные слова с метафорическим значением: *silpnaprotystė* (= *silpnas protas*) – слабоумие (слабый ум), *savavaldžiavimas* (*sava valdžia*) – самоуправство (сам управление). При этом отметим, что при переводе данная сложная структура обычно не сохраняется:

- *vandens saugyklos* – водохранилища, *psichinis ligonis* – душевнобольной, *laivo vairavimas* – кораблевождение, *prekių žinovas* – товаровед, *blogos kokybės* – недоброкачественный, *tyčinis kūno sužalojimas* – членовредительство;
- *išlaikyti* – иметь на иждивении, *prašoma* – возбуждается ходатайство, *suėmimas* – заключение под стражу, *šaudmenys* – боевые припасы, *traukinys* – подвижной состав, *pavesti* – возложить обязанности, *įsigalioji* – вступать в силу и т.д.

Данное явление объясняется как языковыми особенностями, так и наличием определенных трансформаций при переводе. Так, например, приведенные во второй группе примеры являются иллюстрацией способа «метафоризации» (Швейцер, 2009, с. 136), при котором изначальное неметафорическое слово или выражение заменяется в языке перевода метафорическим.

Таким образом, при переводе литовских языковых метафор на русский язык наблюдаются следующие структурные изменения:

- количественное изменение состава метафоры;
- замена беспредложных метафорических конструкций предложными;
- изменение при переводе категориальной принадлежности компонентов исходных метафорических словосочетаний;
- несовпадение морфологических категорий в анализируемых языках.

2.3. Способы перевода языковых метафор

В части 3.1. Главы I нашего исследования приведены несколько классификаций способов перевода метафор, предложенных различными лингвистами.

Можем констатировать, что не все представленные нами в части 1.3 теоретической главы способы перевода использовались в проанализированных нами источниках при переводе языковых метафор. Мы полагаем, что данное обстоятельство обусловлено функционально-стилистическими особенностями официально-делового стиля. По словам О.А.Крыловой (2006), основным требованием в отношении образцов официально-делового стиля является максимальная точность и детальность в выборе языковых средств для передачи темы, поэтому перевод через сравнение или добавление разъясняющей

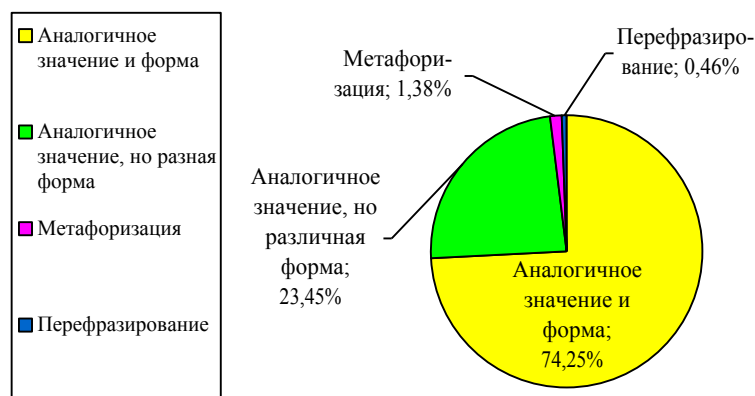
информации, по нашему мнению, не могут реализовываться при переводе текстов данного стиля, а являются актуальными при переводе произведений художественной литературы.

На основании собранного нами фактического материала мы выделили следующие способы перевода:

- посредством использования аналогичных по значению и форме выражений (323 примера = 74,25%);
- посредством использования выражений с аналогичным значением, но с различной формой (104 примера = 23,91%);
- посредством замены неметафорического образа метафорическим, или метафоризации (6 примеров = 1,38%);
- посредством перефразирования (2 примера = 0,46%).

График 5.

Способы перевода языковых метафор (%)

Из приведенного выше графика следует, что $\frac{3}{4}$ всех языковых метафор (323 примера, или 74,25%) переводятся с сохранением аналогичного значения и формы:

- *silpnaprotystė* – слабоумие, *baudžiamoji byla* – уголовное дело, *melagingas paliudijimas* – ложное свидетельствование, *draugiškasis teismas* – товарищеский суд, *laisvės atėmimas* – лишение свободы, *liudytojo papirkimas* – подкуп свидетеля, *teismo nutartis* – определение суда, *nusikaltimo sudėtis* – состав преступления, *augalų ligos* – болезни растений, *nusikaltimo pėdsakai* – следы преступления, *tyčinis nužudymas* – умышленное убийство, *ūkiniai nusikaltimai* – хозяйственные преступления;
- *gamtos turtų žvalgytas* – разведка естественных богатств, *pastovus darbingumo netekimas* – стойкая утрата трудоспособности, *nepataisomas veido subjaurinimas* – неизгладимое обезображивание лица, *tyčinis turto sunaikinimas* – умышленное

уничтожение имущества, veikos nusikalstamumas ir baudžiamumas – преступность и наказуемость деяния;

- *sušvelninti bausmę – смягчить наказание, pateisinti pasitikėjimą – оправдать доверие, atleisti nuo atlikimo – освободить от отбывания, atsakyti už prievoles – отвечать по обязательствам;*
- *asmuo, turintis teistumą – лицо, имеющее судимость; atiduotas pagal laidavimą – переданный на поруки, žvalgybos užverbuotas – завербованный разведкой;*
- *dėl savanaudiškų paskatų – из корыстных побуждений, pagal nuteisimo vietą – по месту осуждения, privedimas prie savižudybės – доведение до самоубийства и др.*

Кроме того, к данной группе также может быть отнесена часть ономастической лексики (названия государственных учреждений, предприятий, организаций и др.), а также наименования определенных реалий, перевод которых соответствует оригиналу как по значению, так и по форме: *Aukščiausioji Taryba – Верховный Совет, Ginkluotosios Pajėgos – Вооруженные Силы, auklėjimo-darbo profilaktoriumas – воспитательно-трудовой профилакторий, gydymo-darbo profilaktoriumas – лечебно-воспитательный профилакторий, kolonija-gyvenvietė – колония-поселение, bendrojo režimo kolonija – колония общего режима, sustiprintojo režimo kolonija – колония усиленного режима, drausmės batalionas – дисциплинарный батальон, vidaus reikalų organai – органы внутренних дел, viešojo maitinimo įmonės – предприятия общественного питания, Raudonasis Kryžius – Красный Крест, Raudonasis Pasmėnulis – Красный Полумесяц, draugiškasis teismas – товарищеский суд, suomiškais peilis – финский нож, Valstybinio banko bilietai – билеты Государственного банка, rašto tarptautiniai atsakymo kuponai – международные почтовые ответные купоны и т.д.*

Вторая группа языковых метафор, при переводе которых смысл метафоры сохраняется, однако форма не соответствует аутентичной, составляет 23,91% (104 примера) от общего количества языковых метафор.

Перевод входящих в данную группу языковых метафор обусловлен, в первую очередь, структурно-грамматическими особенностями сопоставляемых языков: различием в способах образования грамматических форм, преобладанием одних частей речи над другими, наличием или отсутствием определенных грамматических категорий в данных языках и т.д. К данной разновидности мы отнесли не только языковые метафоры, которые в результате перевода имеют различающуюся структуру (например, количественное несовпадение компонентов аутентичной и переводной языковой метафоры), но и языковые метафоры с одинаковым количеством компонентов, которые представлены различными частями речи (например, имя существительное при переводе заменяется

глаголом, отсутствие в русском языке грамматической категории «падаливис» и т.д.).

Приведем примеры входящих в данную группу языковых метафор:

- *įsigalioti* – вступать в силу, *išlaikyti* – иметь на иждивении, *įvykdyti* – приведение в исполнение, *suėmimas* – заключение под стражу, *bausmė* – мера наказания;
- *atlikti prievoles* – выполнение повинностей, *išprovokuoti karą* – провокация войны, *pakirsti pramonę* – подрыв промышленности;
- *interesams kenkti* – в ущерб интересам, *laisvės atėmimo bausmė* – наказание в виде лишения свободы;
- *didžiai susijaudinus* – в состоянии сильного душевного волнения, *suklastojant dokumentus* – подлог документов, *darant kvotą* – при производстве дознания, *sudedant bausmes* – при сложении наказаний, *priėmus nuosprendį* – после вынесения приговора, *pasibaigus atidėjimo laikui* – по истечении срока отсрочки.

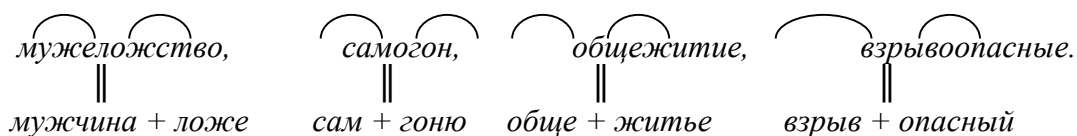
Отметим, что «наряду с общими категориями в пределах каждой части речи существуют и такие явления, которые характерны для каждого из этих языков в отдельности. Индивидуальные особенности представляют собой результат самостоятельного развития данных языков и составляют их национальную специфику» (Мустейкис, 1972, с. 7).

В ходе анализа нами были выявлены 6 случаев перевода неметафорического выражения метафорическим:

- *vyro lytinis santykiavimas su vyru* – мужеложство;
- *namų gamybos stiprūs alkoholiniai gėrimai* – самогон;
- *(socialinis) bendras gyvenimas* – (социалистическое) общежитие;
- *įmonės, kur gresia sprogitimo pavojus* – взрывоопасные предприятия;
- *traukinys* – подвижной состав;
- *uostas, kuriame laivas įregistruotas* – порт приписки судна.

А.Д.Швейцер назвал данный способ перевода «метафоризацией» и считал, что этот способ часто используется при переводе лексических (привычных/стертых) метафор (Швейцер, 2009, с. 136). Наш материал не предоставляет оснований для подтверждения данного тезиса исследователя, поскольку в вышеперечисленных случаях посредством языковых метафор переводятся слова и выражения, не обладающие метафорическим характером. При этом характерно, что более половины (4 из 6) исходных словосочетаний переводится на русский язык сложными с морфемной точки зрения словами, обладающими метафорическими лексическими значениями: *мужеложство*, *самогон*, *общежитие*, *взрывоопасные*. Мы полагаем, что метафоричность подобных слов создается

благодаря сложению нескольких производящих основ (в некоторых случаях в комбинации с суффиксацией):

Перевод языковых метафор путем перефразирования составляет 0,46% (2 примера) от общего количества языковых метафор: *aprašytas turtas* – *имущество, подвергнутое описи*; *privertimas autoriaus pripažinti kitą asmenį bendraautoriu* – *принуждение к соавторству*. Считаем, что данный способ перевода является адекватным для данного контекста. Так, в примере *aprašytas turtas* – *имущество, подвергнутое описи* перевод литовской языковой метафоры «*aprašytas turtas*» путем дословного перевода «*описанное имущество*» представляется недостаточно корректным для текста официально-делового стиля, а перефразирования с использованием причастного оборота соответствует стилистическим нормам официально-делового стиля и не искажает смысла передаваемой информации.

В примере *privertimas autoriaus pripažinti kitą asmenį bendraautoriu* – *принуждение к соавторству* при переводе наблюдается свёртывание изначальной фразы, что даёт возможность переводчику минимальными используемыми языковыми средствами максимально точно передать содержательную сторону выражения.

Выводы:

- Основная причина трудностей и несовпадений, наблюдаемых при переводе языковых метафор, кроется в различии сопоставляемых языков.
- Несовпадение в грамматических категориях, в способах их выражения обуславливают особенности перевода языковых метафор.
- Нами не было обнаружено трудностей культурологического характера, которые являются одной из основных причин неперевода метафор, что детерминировано спецификой проанализированных нами документов и общим историко-культурным периодом двух в настоящее время независимых стран: на момент написания (1961 год) исследованного нами на двух языках Уголовного кодекса Литовская Республика входила в состав СССР, в отношении всей территории которого применялась единая правовая база.
- Появление языковых метафор обусловлено социокультурными особенностями конкретного народа, в которых находят отражение идеология и мировоззрение носителей языка в определённый исторический период. Наиболее яркими примерами этому могут послужить следующие языковые метафоры: *draugiškasis teismas* – *товарищеский суд*,

liaudies draugininkas – народный дружинник, kolūkiečių kiemas – колхозный двор, kooperacinė parduotuvė – кооперативный магазин, socialistinė nuosavybė – социалистическая собственность, socialistinės organizacijos – социалистические организации, socialistinis bendras gyvenimas – социалистическое общежитие, tarptautinis darbo žmonių solidarumas – международная солидарность трудящихся.

Заключение

Деловой язык, будучи основным способом коммуникации в сфере официально-деловых отношений, быстро реагирует на интенсивные процессы, происходящие в современном обществе. Развитие международных, политических, экономических, социальных и культурных связей обусловило внимание лингвистов к языковым особенностям и переводу деловых текстов.

Нами проведен многоаспектный анализ языковых метафор и способов их перевода в деловом тексте; изучена научная литература по исследованной проблеме, сформирован актуальный для нашей научной работы инструментарий.

Из Уголовного кодекса Литовской Советской Социалистической Республики (на литовском и русском языках) извлечены языковые метафоры в количестве *435 единиц*, проведен их *семантический, структурный и сопоставительный анализ*. Обработанные с помощью *статистического* метода результаты представлены в таблицах и графиках.

В ходе *семантического анализа* языковых метафор нами установлены 5 типов отношений между их значениями. Значительная часть языковых метафор и их соответствия при переводе на русский язык реализуют *отношения тождества*, при котором значения русских языковых метафор полностью соответствуют значению аналогичных исходных. Преобладание отношений данного типа обусловлено стилистическими особенностями официально-делового стиля, требованием к максимальной точности формулировок, недопустимостью использования многозначных слов и выражений как в исходном тексте, так и в переводном. Помимо специальной лексики и терминологии, к типу отношений тождества относятся также языковые метафоры, называющие органы государственной власти, предприятия и учреждения.

Кроме того, нами были выявлены случаи несовпадения объема значений (*гипо/гиперонимические отношения*) русских и литовских метафор, а также примеры использования безэквивалентной лексики, переводимой путем *перифразирования*. Тем не менее языковые метафоры, отражающие данные типы семантических преобразований, являются единичными по выше указанным причинам. Характерно, что, ввиду стилевых ограничений, в исследованном материале нами не было обнаружено семантических трансформаций в структуре языковых метафор двух языков посредством *перекрещивания значений*.

Результаты *структурного анализа* свидетельствуют о наличии значительных различий в грамматическом строе сопоставляемых языков. Все выявленные нами

языковые метафоры были разделены на четыре группы: одно-, дву-, трех- и четырехсловные – и детально проанализированы. Исследование показало, что основная причина трудностей перевода заключается не в культурологической основе метафор, а в несовпадении грамматических категорий и способов их выражения в двух языках.

Наибольшие несоответствия нами установлены в употреблении предлогов, поскольку их использование ярко отражает национальную специфику языков. В русском языке преобладают омонимические падежные флексии, что детерминирует необходимость использования предлогов в качестве одного из средств выражения падежной формы имени. В свою очередь, в литовском языке предлоги употребляются только с конкретными падежами, что значительно сужает границы их функционирования. Именно данным обстоятельством объясняется несовпадение в количественном отношении предложных и беспредложных языковых метафор в обоих языках.

В литовском языке было выявлено количественное преобладание *глагольных языковых метафор* во всех четырех вышеуказанных группах, вследствие 1) наличия в литовском языке особой неизменяемой глагольной формы – падаливиса и 2) функционально–стилевых особенностей русских деловых текстов. Официально-деловой стиль русского языка отличается именным характером и активным использованием отглагольных существительных, имеющих в литовском языке глагольные эквиваленты, что детерминирует большую частотность актуализации субстантивных языковых метафор в русском языке. Установлено, что падаливис также переводится на русский язык предложно–падежными формами имени существительного.

Дистрибутивный анализ выявил, что $\frac{2}{3}$ субстантивных языковых метафор литовского и русского языков имеют конструкцию *существительное + прилагательное*. При этом были установлены расхождения в способах актуализации относительных прилагательных в анализируемых языках: в литовском языке данным прилагательным могут также соответствовать имена существительные в родительном падеже.

Способы перевода проанализированных языковых метафор были объединены в четыре группы: 1) языковые метафоры, полностью соответствующие исходным по значению и по форме; 2) языковые метафоры, имеющие измененную форму, но полностью сохраняющие значения; 3) языковые метафоры, созданные посредством метафоризации изначально неметафорического выражения; 4) языковые метафоры, образованные посредством перефразирования метафор, не имеющих в другом языке точного эквивалента.

Самую многочисленную группу со статистической точки зрения сформировали языковые метафоры первой группы, что продиктовано правовым статусом

проанализированного исходного текста на литовском языке, перевод которого требует максимальной точности и адекватности, исключением возможности инотолкований. Языковые метафоры второй и третьей групп зависят от структурно-грамматических особенностей сопоставляемых языков. Использование при переводе четвёртого способа (перефразирования) является адекватным для данного контекста и применяется для перевода слов, не имеющих эквивалентов в другом языке.

Таким образом, на основании всего выше сказанного мы можем констатировать, что извлечённые из проанализированного нами литовского источника языковые метафоры имеют в русском языке точный и адекватный перевод. Установленные при переводе отдельные структурно-семантические трансформации обусловлены функционально-стилевыми особенностями официально-делового текста и языковыми различиями, что не оказало влияния на качество перевода.

Библиография

1. Аристотель. (1998). *Поэтика*. Минск: Литература. Доступ к Интернету: <<http://www.koob.ru/aristotel/poetika>>
2. Арутюнова Н.Д., Журина М.А. (Ред.) (1990). *Теория метафоры: Сборник*. Москва: Прогресс. Доступ к Интернету: <http://gumknigi.blogspot.com/2009/06/blog-post_21.html>
3. Арутюнова Н.Д. (1990). Метафора и дискурс. Вступительная статья. *Теория метафоры*, с. 5-32.
4. Баранов А.Н. (1991). *Очерк когнитивной теории метафоры. Русская политическая метафора (материалы к словарю)*. Москва: Дрофа.
5. Бирдсли М. (1990). Метафорическое сплетение. *Теория метафоры*, с. 201-218.
6. Блэк М. (1990). Метафора. *Теория метафоры*, с. 153-172.
7. Будаев Э.В. (2006а). «Могут ли метафоры убивать»? : прагматический аспект политической метафорики. *Политическая лингвистика*, №20, с. 67-74. Доступ к Интернету: <<http://www.philology.ru/linguistics2/budayev-06.htm>>
8. Будаев Э.В. (2007). Становление когнитивной теории метафоры. *Лингвокультурология*, №1, с. 16-32. Доступ к Интернету: <<http://www.philology.ru/linguistics1/budayev-07.htm>>
9. Будаев Э.В., Чудинов А. П. (2006б). Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования. *Политическая лингвистика*, №21, с. 69-75. Доступ к Интернету: <<http://www.philology.ru/linguistics1/budayev-chudinov-07a.htm>>
10. Будаев Э.В., Чудинов А.П. (2006в). Риторическое направление в исследовании политической метафоры. *Respectus Philologicus*, 9(14), с. 10-19.
11. Валгина Н.С. (1991). *Синтаксис современного русского языка*. Москва: Высшая школа.
12. Виноградов В.В. (1961). *Проблема авторства и теория стилей*. Москва: Гослитиздат.
13. Голуб И.Б. (1989). *Грамматическая стилистика современного русского языка*. Москва: Высшая школа.
14. Горшкова К.В. и др. (1985). *Современный русский язык*. Вильнюс: Мокслас.
15. Гудавичюс А. (1985). *Сопоставительная семасиология литовского и русского языков*. Вильнюс: Мокслас.
16. Дэвидсон Д. (1990). Что означают метафоры. *Теория метафоры*, с. 173-193.
17. Караулов Ю.Н. (Ред.) (1997). *Русский язык. Энциклопедия*. Москва: Большая Российская энциклопедия.

18. Кожина М.Н. (1983). *Стилистика русского языка*. Москва: Просвещение.
19. Крылова О.А. (2006). *Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн.1. Теория*. Москва: Высшая школа.
20. Кушнерук С.П. (1999). *Документальная лингвистика (русский деловой текст)*. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос-го ун-та. Доступ к Интернету: <http://window.edu.ru/window_catalog/pdf2txt?p_id=8533>
21. Лакофф Дж., Джонсон М. (2008). *Метафоры, которыми мы живем*. Москва: Издательство ЛКИ.
22. МакКормак Э. (1990). Когнитивная теория метафоры. *Теория метафоры*, с. 358-386.
23. Маругина Н.И. (2008). Когнитивный аспект перевода метафоры (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык). *Язык и культура*, №4, с. 42-52. Доступ к Интернету: <<http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/04/image/04-042.pdf>>
24. Матвеева Т.В. (1990). *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.
25. Мустейкис К. (1972). *Сопоставительная морфология русского и литовского языков*. Вильнюс: Mintis.
26. Ожегов С.И. (1985). *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
27. Ортега-и-Гассет Х. (1990). Две великие метафоры. *Теория метафоры*, с. 68-81.
28. Поляков О. (1998). *Славянские языки*. Вильнюс: Leidybos centras.
29. Рахманин Л.В. (1998). *Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов*. Москва: Высшая школа.
30. Рикер П. (1990). Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. *Теория метафоры*, с. 416-434.
31. Розенталь Д.Э. (1974). *Практическая стилистика русского языка*. Москва: Высшая школа.
32. Серль Дж. (1990). Метафора. *Теория метафоры*, с. 307-341.
33. Сиротинина О.Б. (1980). *Лекции по синтаксису русского языка*. Москва: Высшая школа.
34. Скребцова Т.Г. (2002). Метафоры современного Российского внешнеполитического дискурса. *Respectus Philologicus*, 1(6), с. 117-123.
35. Сологуб О.П. (2007). Документальная лингвистика: становление и развитие научной дисциплины. *Филология*, 20(59), с. 215-220. Доступ к Интернету: <http://science.crimea.edu/zapiski/2007/filologiya/uch_20_1fn/sologub_33.pdf>

36. Суровцев В.А., Сыров В.Н. (1998). Метафора, нарратив, языковая игра. *Методологические науки*, №3. с. 186-197. Доступ к Интернету: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/Syrov_6.htm
37. Суровцев В.А., Сыров В.Н. (1999). Языковая игра и роль метафоры в научном познании. *Философия науки*, 1(5), с. 2. Доступ к Интернету: <http://www.philosophy.ru/library/surovtsev/syrov.html>
38. Чарыкова О.Н. (2009). О национальной специфике метафорического осмысления мира. *Respectus Philologicus*, 16(21), с. 82-89.
39. Чудинов А.П. (2001а). *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 - 2000)*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та. Доступ к Интернету: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>
40. Чудинов А.П. (2001б). Финансовая метафора в современной политической речи. *Лингвистика*, №7, с. 89-1001. Доступ к Интернету: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01a.htm>
41. Чудинов А.П. (2008). Российская политическая метафора в начале XXI века. *Политическая лингвистика*, 1(24), с. 86-93. Доступ к Интернету: <http://www.classes.ru/philology/chudinov-08.htm>
42. Шанский Н.М. (Ред.) (1989). *Стилистика русского языка*. Ленинград: Просвещение.
43. Швейцер А.Д. (2009). *Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
44. Эльзбутас Ю. (1985). *Сопоставительная морфология русского и литовского языков*. Шяуляй: Титнагас.
45. Юдина О.Л. (2009). Морбиальная метафора в Российском и Британском управленческом дискурсе. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, №119, с. 254-258. Доступ к Интернету: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/yudina_119_254_258.pdf
46. Arcimavičienė L. (2009). Ekonomikos metaforos: kokiomis sąvokomis apibrėžiamas Lietuvos verslas? *Respectus Philologicus*, 15(20), с. 143-153.
47. Baker M. (2006). *In Other Words. A Coursebook on translation*. Bodmin: Routledge. Доступ к Интернету: <http://depositfiles.com/ru/files/ek614oe4o>
48. Balašaitis A. (Red.) (2000). *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
49. Bobrova L., Kazlauskienė A., Lukavičienė V. ir kt. (2008). *Kursinių ir baigiamųjų (bakaluro, magistro, specialiųjų profesinių studijų) darbų rengimo ir gynimo metodinės rekomendacijos*. Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla.

50. Cibilskienė J. (2010). Ar metaforos rodo, kad Lietuvos konservatoriai yra iš tikrųjų konservatoriai, o socialdemokratai – socialdemokratai? *Respectus Philologicus*, 17(22), c. 11-25.
51. Dickins J. (2002). *Thinking Arabic Translation. A Course in Translation Method: Arabic to English. Supplement*. London: Routledge. Доступ к Интернету: <http://www.languages.salford.ac.uk/staff/dickins/SuppThinkArabTrans.pdf>
52. Dickins J., Hervey S., Higgins I. (2002). *Thinking Arabic Translation. A Course in Translation Method: Arabic to English*. London: Routledge. Доступ к Интернету: http://books.google.com/books?id=U8ETL53PcC&dq=Thinking+Arabic+Translation&printsec=frontcover&source=bn&hl=ru&ei=WyfLS_mLLaCIOMGbiK4G&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=5&ved=0CCAQ6AEwBA#v=onepage&q&f=false
53. Garzone G. (2000). Legal Translation and Functionalist Approaches: a Contradiction in Terms? *ASTTI/ETI (2000)*, c. 395-414. Доступ к Интернету: <http://www.tradulex.org/Actes2000/Garzone.pdf>
54. Gibbs R.W. Jr., Wilson N.L. (2002). Bodily action and metaphorical meaning. *Fall*, 36 (3), c. 524-540. Доступ к Интернету: http://findarticles.com/p/articles/mi_m2342/is_3_36/ai_94775629/
55. Gudavičius A. (2007). *Gretinamoji semantika*. Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla.
56. Gudavičius A. (2009). *Etnolingvistika*, Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla.
57. Harvey M. (2002). What's so Special about Legal Translation? *Translators' Journal*, 47(2), c. 177-185. Доступ к Интернету: <http://www.erudit.org/revue/meta/2002/v47/n2/008007ar.pdf>
58. Kniūkšta P. ir kt. (2002). *Kanceliarinės kalbos patarimai*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
59. Kövecses Z. (2005). *Metaphor in Culture*. Cambridge: Cambridge University Press. Доступ к Интернету: http://books.google.lt/books?id=XFH0od0cd0oC&dq=Kovecses+Metaphor+in+culture&printsec=frontcover&source=bn&hl=ru&ei=WGTqS8ycL4KaOKa3wI0L&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=4&ved=0CBMQ6AEwAw#v=onepage&q=Kovecses%20Metaphor%20in%20culture&f=false
60. Labutis V. (1994). *Lietuvių kalbos sintaksė. I dalis*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
61. Lapinskas S. (2007). Metaforos vartoseną politiniame diskurse. *Politologija*, 1(45), c. 144-148.

62. Marcinkevičienė R. (1999). Atminties labirintuose. Kognityvinės ir tekstynų lingvistikos sąveika. *Darbai ir dienos*, 1999.10(19), c. 109-124.
63. Marcinkevičienė R. (2006). Konceptualioji metafora vertime. *Darbai ir dienos*, 2006.45, c. 109-118.
64. Mažiulis V. (2001). *Pasaulio tautų kalbos*. Vilnius: Gimtasis žodis.
65. Newmark P. (1988). *A Textbook of Translation*. New York: Prentice-Hall International.
66. Papaurėlytė-Klovienė S. (2007). *Lingvistinės kultūrologijos bruožai*. Šiauliai: VšĮ Šiaulių universiteto leidykla.
67. Pawelec A. (2006). The Death of Metaphor. *Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 123(2006), c. 117-121. Доступ к Интернету: <<http://www.filg.uj.edu.pl/StudiaLinguistica/pdf/12308-Pawelec.pdf>>
68. Piročkinas A. (1990). *Administracinės kalbos kultūra*. Vilnius: Mintis.
69. Ritchie D. (2004). Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation. *Metaphor and Symbol*, 19(4), c. 265-287. Доступ к Интернету: <<http://web.pdx.edu/~cgrd/Connectivity%20Theory.html>>
70. Vaičėnienė J. (2009). Kultūrinis vertimas ir lingvistinė metafora: veiksmažodinės metaforos vertimo atvejis. *Respectus Philologicus*, 16(21)A, c. 38-49.
71. Vladarskienė R. (2004). *Sintaksinių priemonių ypatybės valstybės dokumentų kalboje*. Vilnius, Lietuvių kalbos instituto leidykla.
72. Žilinskienė V. (2002). Žodžių formų vartojimas lietuvių kalbos dalykinio ir publicistinio stilių duomenimis. *Lituanistica*, 1(49), c. 106-116.

Santrauka

Raktiniai žodžiai: kalbos metafora, dalykinis tekstas, semantinė analizė, struktūrinė analizė, sociokultūriniai skirtumai, sunkumai verčiant.

Darbe išanalizuotos dalykiniame tekste vartojamos kalbos metaforos ir jų vertimo būdai. Kalbos metaforos ištirtos remiantis Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos Baudžiamuoju kodeksu ir jo vertimu į rusų kalbą; analizuoti išrinktų metaforų vartojimo dalykiniuose tekstuose ypatumai, išnagrinėti jų vertimo būdai, atliktos lietuviškų ir rusiškų metaforų lyginamoji semantinė, struktūrinė ir statistinė analizės.

Kalbos metaforų, dažnai vadinamų klišėmis, šablonais ir formulėmis, struktūros, jų vertimo, sociokultūrinio konteksto lyginamoji analizė gali atskleisti tam tikro istorinio laikotarpio tautos pasaulėžiūrą, suteikti išsamią informaciją apie dviejų kalbų skirtumus ir panašumus.

Teorinėje darbo dalyje pateikta lietuvių, rusų bei kitų užsienio autorių mokslinių darbų apžvalga, aptartos šiuolaikinės metaforos fenomeno tyrinėjimo teorijos ir tendencijos, kalbos metaforų vartojimo dalykiniuose tekstuose ypatumai bei sunkumai verčiant. Praktinėje darbo dalyje atliktos kalbos metaforų struktūrinė, semantinė, lyginamoji ir statistinė analizės, apibūdinti metaforų vertimo būdai ir galimybės.

Atlikto tyrimo rezultatai parodė, kad verčiant, pagrindinius sunkumus sudaro ne kultūriniai šalių skirtumai, o kiekvienos kalbos specifika: prielinksnių ir linksnių vartojimo ypatumai, skirtingas daiktavardžių vartojimo dažnumas, žodžių reikšmių apimčių nesutapimai dviejose kalbose ir t.t. Be to, rusų kalba neturi padalyvio gramatinės kategorijos.

Summary

Keywords: linguistic metaphor, legal text, semantic analysis, structural analysis, social-cultural differences, translation difficulties.

The linguistic metaphors highlighted in legal texts and the ways of their translation were analyzed in the Thesis. They were analyzed basing upon the Criminal Code of the Lithuanian Soviet Socialist Republic and its translation to the Russian language. The peculiarities of the selected metaphors highlighted in legal texts were analyzed; the ways of their translation were studied; the comparative semantic, structural and statistical analyses were done.

The comparative analysis of the linguistic metaphors (frequently called clichés, patterns and phrases), their structure, translation and social-cultural context can reveal the nation's world-view of a certain historic period; provide comprehensive information about the differences and similarities of two languages.

The review of scientific works of Russian, Lithuanian and foreign authors is presented in the first part of the Thesis; modern theories and tendencies of metaphor phenomenon study, the peculiarities of linguistic metaphors highlight in legal texts and their translation difficulties are discussed. Structural, semantic, comparative and statistical analyses of linguistic metaphors are done in the practical part of the Thesis. The ways and possibilities of metaphors translation are also defined in this part.

The results of the conducted research showed that the main translation difficulties lied not in the cultural differences of the countries, but in the peculiarities of each language: use of the prepositions and cases, different frequency of usage of nouns, words with meaning of different volume in two languages etc. Moreover, there is no such a grammatical category as “padalyvis” (special invariable verbal form) in the Russian language.

Anotacija

Maria Abramovich, *Metafora dalykiniame tekste ir jos vertimas. Magistro darbas*, vadovė doc. Svetlana Karavajeva, Šiaulių universitetas, Rusų kalbos katedra, 2010, 54 p.

Annotation

Maria Abramovich, *Metaphor in Official Documents and Its Translation. Master's Thesis*, scientific adviser Docent Svetlana Karavajeva, Šiauliai University, Russian Language Department, 2010, pp. 54.

Аннотация

Мария Абрамович, *Метафора в деловом тексте и ее перевод. Магистерская работа*, научный руководитель доц. Светлана Караваева, Шяуляйский университет, Кафедра русского языка, 2010, 54 с.